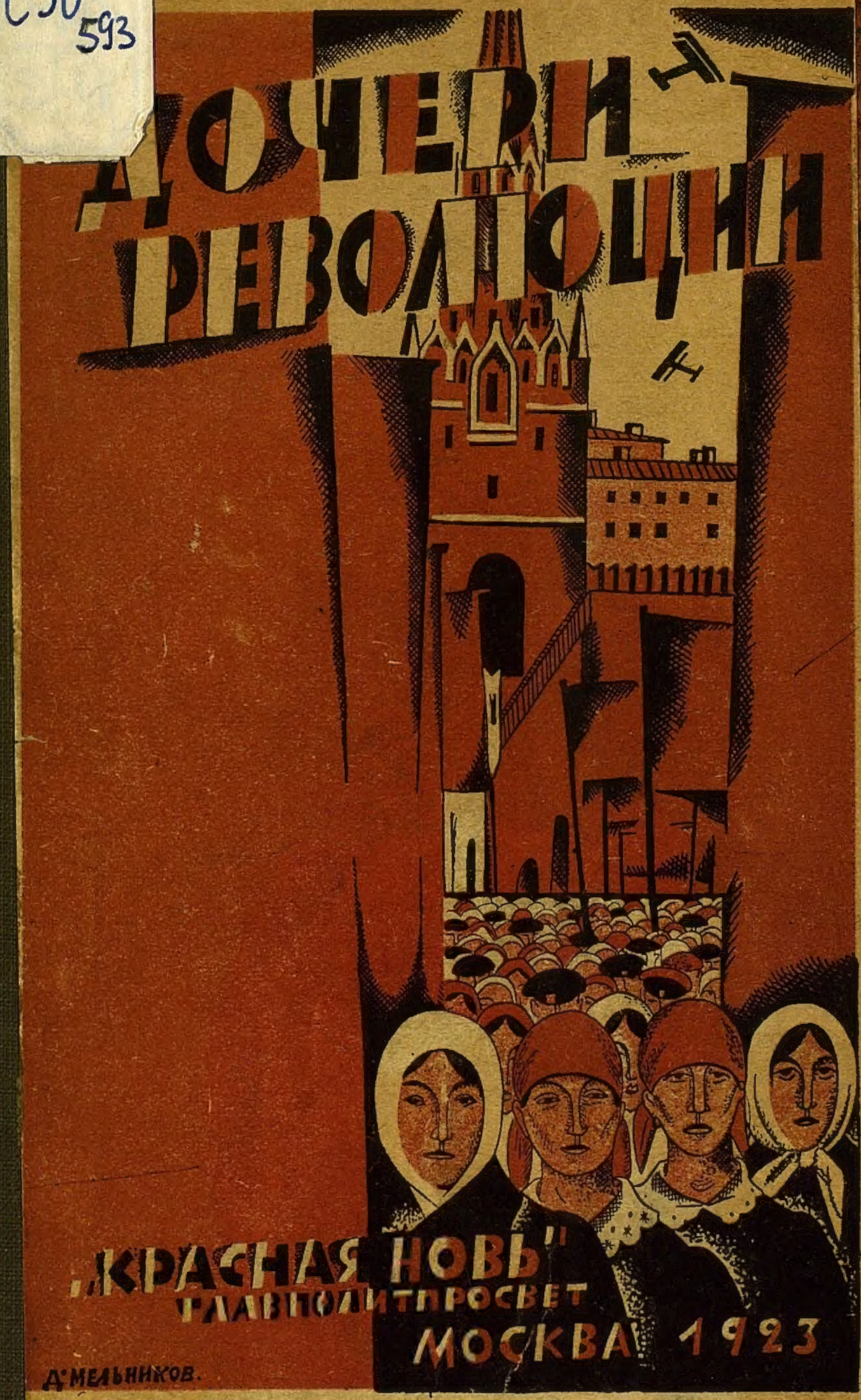
Х
Я50—
593

ДОЧЕРИ РЕВОЛЮЦИИ



„КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ
МОСКВА 1923

Д. МЕЛЬНИКОВ.

Я3

250
S93

92(47): 323.2(09)
250—593

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

182/24.

ДОЧЕРИ РЕВОЛЮЦИИ

СБОРНИК

составлен и подготовлен к печати
Отделом Работниц ЦК РКП

ср 1961
573

БИБЛИОТ. ...
Институт Красн. Профес. ...
Инв. № 36387/18

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ □ МОСКВА □ 1923

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Отделом работниц ЦК РКП было получено с мест свыше 200 биографий работниц и крестьянок, участниц революционной борьбы и строительства новой Трудовой Республики после Октября.

Материал продолжал поступать и во время печатания этой книги.

Желая положить начало использованию этого материала, крайне интересного для истории революционного движения в России а также безусловно ценного для освободительного движения рабочих и работниц на Западе, Центральный Отдел Работниц решил издать этот сборник под названием „Дочери Революции“, использовав лишь часть полученного материала. Остальной материал будет направлен в Истпарт.

Отдел Работниц ЦКРКП (б).

Москва, 10/II 1922 г.

Введение

Дни великих революционных битв, дни великой борьбы и страданий, дни небывалого героизма и восстаний—возвели на пьедестал могучего разрушителя и могучего творца и ту... что десятки лет безропотно ткала у станка, косила в поле, рожала у входа в завод, сносила побои, надругательства, терпела без конца и края...

Полная смрада, удушья, лишенная смысла и цели, шла корявая, дикая жизнь работницы и крестьянки.

Об этой тяжкой доле поэт пишет:

И в лице ее полном движения,
Полном жизни, являются вдруг
Выражение тупого терпения
И бессмысленный вечный испуг...
И хоронят в сырую могилу,
Как пройдет она тяжкий свой путь,
Понапрасно убитую силу
И ничем не согретую грудь...

Эта многострадальная грудь не знала того тепла, что окрыляет силы и заставляет мыслить и творить, заставляет жизнь прожить не понапрасну.

Тепло, согревающее грудь, направляющее волю к действию, выявляющее ненависть к врагам и любовь к друзьям—ковалось в революции.

Красная, яркая она зажгла неугасающим огнем души пролетариев, сообщила им чудодейственную силу, толкнула на необыкновенные подвиги.

Жгучая... Она воспламенила сотни, тысячи сердец тружениц.

Пролетарки пробудились. Пролетарки восстали...

На лицах нет былого „тупого терпения“. Вечный испуг сменился угрозой миру эксплоататоров...

Как символ освобождения, на передовые позиции революции стала самая угнетенная, самая эксплоатируемая часть человечества-женщина-работница.

Она подпольником точила железные оковы капитала, она красным бойцом устремлялась к победе, в моменты колебаний, чуждая их, личным примером подвига и отваги создавала перелом в красных войсках и вела на врага революционные полки.

Она стражем стояла у кормила хозяйства революционной страны, строила рабоче-крестьянскую власть и управляла в ней, она от смерти спасла детей, своей рукой душила ползущее чудовище голода.

Она боролась...

Она... Их сотни... тысячи... они—масса...

Ей, Массе, посвящается этот сборник о тех немногих, образы которых удалось запечатлеть.

Слава павшим! Горите огнем революции, живущие!

В ПОДПОЛЬИ

ОТ ПОДПОЛЬЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вместо предисловия

На рубеже мировой революции, в эпоху грандиозного движения рабочего класса, нельзя не отметить революционной стойкости, выносливости и преданности делу пролетариата работниц и крестьянок, в массе проявивших эти качества и в самые бурные моменты Российской революции и в годы строительства нового пролетарского государства.

Женские трудящиеся массы, об участии коих и в политической жизни, в промышленном труде, в профессиональных союзах и рабочих партиях, не раз ставился вопрос и не всегда благополучно разрешался, при первой действительной возможности, вышли на арену общественной жизни и показали, что и они также умеют жить и умереть за обще-рабочее дело. Голос, указавший „на повелительную необходимость привлекать женщин-работниц к соучастью в классовой борьбе“, — прозвучал 58 лет тому назад. И несмотря на заветы, верного делу рабочего класса Первого Интернационала, работницы в вопросе присоединения к обще-рабочему движению пережили не мало препятствий не только со стороны врагов трудящихся в лице буржуазных правительств, но и со стороны товарищей по классу. Буржуазные правительства запада, на ряду с возмутительнейшей эксплоатацией женского труда, в законодательном порядке лишали работницу права участия в профессиональных, а затем в политических организациях пролетариата,— а некоторые профессиональные организации, опасаясь конкуренции, упорно закрывали двери перед работ-

ВОЖДИ ЖЕНСКОГО

ИНЕССА АРМАНД—
умерла в 1920 г.

САМОЙЛОВА К. Н.—умерла в 1921 году.

КЛАРА ЦЕТКИН—вождь германских работниц.

КРУПСКАЯ Н. К.—Заведующая Г. П. П.

КОЛОНТАЙ Н. К.—в настоящее время в Норвегии замещает нашего дипломатического представителя.

ницей, лишая ее возможности получить защиту своего труда. Это явилось одною из причин создания отдельных рабочих женских политических и профессиональных организаций. Женские объединения не исчезли и до наших дней даже в таких странах, как Германия, щеголяющая давностью своих рабочих организаций.

В России рабочее движение складывалось иначе. Полнейшее бесправие являлось уделом не только работниц, но почти до конца царизма и всей остальной массы пролетариата.

Политические организации существовали подпольно, а профессиональные полулегально. Это обстоятельство побуждало рабочие организации стремиться к увеличению числа своих членов, без различия пола. Но участие русской пролетарки в промышленности имеет небольшую давность. Только в текстильной промышленности она работает уже десятки лет, в остальных же отраслях женщина начинает принимать участие в производстве лишь в последние два десятилетия.

Рост женской рабочей силы в производстве происходит особенно интенсивно за последнее десятилетие, главным образом, с момента объявления мировой войны.

Таким образом, политические организации российского пролетариата в прошлом не могли иметь в своих рядах большого числа работниц. Все же и в прошлые годы, когда российское рабочее движение выливалось в грандиозные забастовочные волнения, когда оно получило свое боевое крещение в революции пятого года,—на рабочих постах были и пролетарки. Но более отсталая, более обремененная, более эксплоатируемая,—до революции работница в массе способна была только на экспансивные непродолжительные выступления и то в исключительно острые моменты экономического кризиса. Так расценивается и выступление работниц 23 февраля 1917 года, когда под тяжестью войны, голода, бесхлебья—она с воплем „хлеба“ и „долой войну“—неорганизованная,—положила начало великой организованной революцией силе.

Но то, что невозможно было при царизме и при господстве буржуазии, с властью пролетариата явилось простым достижением среди других, более важных завоеваний, достигнутых с большим трудом. Вместе с октябрьской революцией отпал вопрос о политическом и экономическом равноправии полов, как в среде пролетариата, так и в среде крестьянства.

Кроме того, вместе с Октябрем пришло и стремление рабочего государства освободить труженицу от повседневия нудной работы по семье, стремление поднять политический и культурный уровень этой массы. Коммунистическая партия, руководившая рабочей революцией, предприняла ряд мер к тому, чтобы, до сего времени пассивные и чуждые политическим вопросам слои втянуть в общую борьбу и строительство трудящихся.

Все эти условия постепенно дали возможность работницам и крестьянкам встать на ноги, окрепнуть и подняться до высоты лучших участников революции.

Освободившись от векового гнета, женские трудовые массы, вначале беспомощно оглядывались кругом, напрягая силы, чтобы отдать себе отчет во всем происходившем.

Постепенно, одну за другой выдвигала она—эта масса—крепких, стойких бойцов, выросшая сама в поступательном движении революции, и догоняя весь рабочий класс.

На шестом году революции интересно сопоставить хотя бы собрания работниц и крестьянок с теми, что проводила партия в 18—19 г. г. Трудно налаживаемые, с целым рядом инцинцентов, с целым рядом неумелых и даже неуместных, ненужных вопросов,—оно обратилось в организованное спаянное заседание, со своим заправским председателем, со своим секретарем. Интересный порядок дня, разумно изменяемый и разумно разрешаемый. Здесь уже нет споров, недоумений,—здесь лаборатория мысли, здесь мастерская творческой работы.

В общей работе партии над женскою массою нужно отметить одну характернейшую деталь. Наша партия через женотделы умело овладевала активнейшими элементами беспартийных, которые вначале проявлялись, как наиболее недовольные. Эти „бунтарки“ первые проводились в контрольные и иные комиссии и, на практической работе, выростали в активных строителей новой жизни. В конечном итоге из „бунтарок“ выходили наиболее энергичные, смелые и преданные делу революции работницы и крестьянки.

Трудно перечесть сколько лучших дала масса за время революции. Почти в каждом захолустном уголке республики есть свои „царь-бабы“. На каждом фронте, будь то военный, хозяйственный, советский, профессиональный,—всюду появилась женщина-работница своим жаром, своей энергией не уступающая остальной массе борцов и строителей.

Все это пришло вместе с Октябрем, все это пришло вместе с властью рабочих и крестьян, все это проводилось под руководством Коммунистической партии, положившей ,в основу работы среди женщин слова сказанные тов. Лениным в первые годы революции:

„Не может совершиться в полной мере социалистический переворот пока, в нем не примут участия работницы“.

III Коммунистический Интернационал, идя постопам Интернационала, основанного Карлом Марксом,—является единственным носителем правильного взгляда на значение участия работниц в международном движении рабочего класса.

III Коммунистический Интернационал, имея опыт Российской Революции, смело направляет свой корабль в океан пролетарских революций, вовлекая в общую борьбу рабочего класса и массы женского пролетариата и крестьянства, таящие в себе огромные запасы неисчерпаемой энергии.

. . . . . .
Много ведь братьев, — и честных и
искренних
Сгибло в неравном бою!
Женщине новой, что об руку с бра-
тьями
Встала, я песню пою.
Женской веками считалося долею—
Слезы над павшими лить.
Но закалились мы твердою волею.
Стыдно пощады молить.
Сестры-работницы! Братьев оплаки-
вать,
Головы тихо склонять,—
Нас недостойно. Пора с ними сча-
стие,
Общее счастье ковать...

(Из „Работницы“ 1914 года).

Русская работница была задавлена вековым гнетом как крепостного права, передавшего ей по наследству приниженность и забитость, так и позднейшего буржуазно-самодержавного уклада, ставившего ее в подчиненное положение и как члена общества, и как члена семьи.

Понятно потому, что гораздо позже своих товарищей мужчин поняла она причины этого гнета и встала сама в ряды борцов. И гораздо труднее, чем мужчине, было ей сделать это: за нее цеплялись дети, ей приходилось часто отрывать их от себя, что матери всегда труднее, чем отцу. И все же она встала в ряды борцов, она принимала участие в стачках и маевках, она подвергалась обыскам и заключению, она путешествовала по этапу и переживала всю тяжесть ссылки. Но заключение давало ей досуг и возможность читать и понять лучше свое положение, а все гонения лишь закаляли больше ее силы, лишь выковывали из нее сознательного и стойкого борца. И возвращаясь из тюрьмы и ссылки шла она на более трудную и сложную работу, шла организовывать и просвещать своих товарок.

И вместо единиц выступали десятки, вместо десятков— сотни.

Русская работница боролась на баррикадах в 1905 году; она несла свои трудовые гроши на первую легальную рабочую газету „Правда“ и на первый журнал „Работница“. Несмотря на все гонения справляла она при самодержавии свой международный женский день. Она работала в подполье, сидела в нелегальных типографиях, переносила и хранила литературу, оружие....

Сколько таких героинь погибло славной смертью за революцию и в прежние годы и в наши победные февраль и октябрь! Сколько их между нами вошло в Советскую работу и строят теперь об руку с мужчиной новый строй.

Всех их выдвинула масса забитых, угнетенных рабынь; их выковало беспросветное детство и полная лишений, слез и горя юность.... Все они труженицы фабрик, полей и заводов....

Но пусть говорят за них краткие черты их биографий, которые всегда одинаково начинаются описанием полного лишений детства и характеризуются тяжелым трудом в ранней юности, бессменно продолжающимся всю жизнь. Но это все же не сламывает их бодрости и не лишает их уверенности в победе.

Вот дочь сапожника Лагутина. С одинадцати лет она на фабрике. По доносу ее увольняют за то, что видели на собраниях рабочих. Начинается обычная жизнь пролетария, занесенного на „черную доску“.

Пять лет скитаний с одной фабрики на другую: отовсюду гонят за подозрение в агитации. А дома родные не рады лишнему рту вместо добытчика. Но разве это могло остановить рост проснувшегося пролетарского сознания! С жадностью набрасывается Лагутина на чтение нелегальных книг, дает их читать и другим товарищам.

Но вот повезло! В 1904 году ее принимают на фабрику „Катык“ в Москве и тут Лагутина с товарищами организует подпольный кружок из десяти человек. Работа пошла. Лагутиной поручают доставать и распространять на фабрике литературу. Работа трудная, ответственная, сопряженная с риском. Но Лагутина не боится рисковать, она прекрасно справляется со своей задачей: каждое утро пробирается она под навес склада и кладет литературу в порожние ящики, куда рабочие укладывают товары.

В 1905 году Лагутина принимает активное участие в декабрьском восстании: вместе с членами своего кружка, где кроме нее было еще две работницы, она снимает рабочих с работы и устраивает собрания.

Наступает февраль 1917 года.... Лагутина опять активный участник и член РКП.

Она идет в казармы, убеждает войсковую часть присоединиться к революции.

Солдаты с революционными песнями идут за ней на Красную площадь.

Далее, в октябрьские дни мы видим ее в качестве санитарки у Краснохолмского моста во время обстрела интендантского склада.

Вот другая работница Иваново-Вознесенска, товарищ Икрянистова. Кто из московских работниц не знает товарища Трубу? Настоящая ее фамилия Икрянистова, а „Трубой“ ее прозвали за ее громкий голос.

Иваново-Вознесенская ткачиха, дочь революционера начала 900 годов. Мать ее была ткачихой 37 лет.

— У нас вся семья революционная,—говорит Труба. Отец, братья, зятья, вот из дочерей—я одна такая вышла, ну, да у сестер мужья революционеры были. В ссылке были, в тюрьме.... Особенно старший зять—мы у него учились...

С 1903 года, будучи еще 16-ти летней девушкой Икрянистова бегала уже на массовки, а в 1904 г. вступила в рабочую партию и уже активно начала

принимать участие в забастовках, особенно в 1905 году, когда ее избрали членом I Всероссийского Совета рабочих депутатов, просуществовавшего несколько дней в Иваново-Вознесенске. Несколько раз ее арестовывали, три раза сидела в тюрьме. Октябрь застал ее в Иваново-Вознесенске. Затем она была командирована в Москву в Свердловский Университет, по окончании которого ее оставили в Москве.

А вот крестьянка Волынской губ., Волынского уезда, М. Рудницкая. С 1905 г. она состоит в партии. В 1907 году судилась военным судом в городе Владимире, в 1911—12 гг., принимала участие в ряде забастовок, вспыхнувших на экономической почве на фабрике.

Всего несколько строк, но в них сжата целая жизнь сознательной пролетарки, сотканная из революционной борьбы.

С детства тяжелая нужда, в 13 лет—смерть матери и забота о всей семье, с 15 лет фабрика.... Вот детство Костромской работницы тов. Подлипаевой.

Отец ее, сознательный рабочий, рано посвящает ее в свою работу: она помогает ему хранить литературу, отливать гектограф. Вместе с отцом она садится в 1913 году в тюрьму. В 17 году тов. Подлипаева официально поступает в партию и целый год работает в фабричном районном партийном комитете.

35 лет стояла у фабричного станка А. П. Винокурова. Ее знает в Костроме каждый рабочий. С 1904 года не было забастовки, в которой не принимала бы активного участия тов. Винокурова: то являясь делегатом от бастующих, то служа им связью с партийной организацией Годами держало ее царское правительство в тюрьме, применяя к ней все свои „скорпионы“, но ничего не могло погасить неутомимой стойкой энергии сознательного борца за интересы своего класса.

Выпустят из тюрьмы—опять за работу, попадет в ссылку—и там продолжает свое дело. Она—участник всех подпольных собраний, член правления больничной

кассы, казначей фабрично-заводского комитета, председатель ревизионной комиссии союза текстилей и, наконец, неизменный член горсовета после революции—вот краткий перечень работ и постов славного товарища.

Вся жизнь отдана работе, все мысли направлены к революции, все стремления — к ее достижению.

Вот еще одно безрадостное детство пролетарки Натальи Григорьевны Годуновой. На этот раз 4 года приютской жизни, а затем жизнь девочки в большой мастерской дамских нарядов: мытье полов, раздувание утюгов, пинки и эксплоатация ребяческих, еще не окрепших сил...

Чуткий к справедливому отношению со стороны взрослых, ребенок в один прекрасный день высказывает мастерицам и закройщицам все, что накопилось на душе. „Крамольница“ прогоняется за это из стен мастерской и с этих пор начинается самостоятельная жизнь Годуновой.

К этому времени у Наташи уже развивается страсть к чтению — она знакомится с революционной литературой.

В 1908 году тов. Годунова посылается союзом „Игла“ на Всероссийский Съезд женщин, на котором Годунова оказалась в числе 60 работниц из 900 съехавшихся женщин.

Здесь-то и пробудилось в ней впервые классовое сознание. Никогда еще не чувствовала она так живо классовую рознь, как здесь, между разодетыми буржуазными дамами и скромными работницами.

Приехав из Петрограда, Годунова попадает в кружок пропагандистов, а с 1909 года поступает в партию большевиков. В 1911 году она подвергается аресту и ссылке в Вологду, а в 1914 году, она уже работает в Рязани, где группирует вокруг себя передовых рабочих и ведет с ними кружковую работу. 17-й год застает Годунову на посту активного борца за власть Советов.

Тов. Разумова

Разумова („Канарейка", парт. кличка). Опять тяжелое детство. Дочь текстильщика. С 11 лет она поступает в няньки, с 15 переходит на одну из фабрик Иваново-Вознесенска.

В 1903 году она знакомится с рабочим социал-демократом и под его руководством начинает читать нелегальную литературу. В 1905 году она — уже активная участница и организатор стачки в Иваново-Вознесенске.

Ее преследует полиция и ей приходится скрываться. В 1906 году, она в городе Середе принимает участие в разоружении полиции и в перевозке оружия рабочим Костромы и Иваново-Вознесенска. В 1907 году она держит конспиративную квартиру и служит связью между комитетом большевиков и партийной типографией. Благодаря необыкновенной находчивости и неутомимой энергии, тов. Разумова, несмотря на целый ряд преследований, увольнений с десятка фабрик, сумела провести огромную подпольную работу.

Февральская революция застает тов. Разумову на фабрике Горелина в Иванове-Вознесенске и уже 28 февраля она член Совета Рабочих депутатов, затем член Исполкома, работает в комиссии труда по организации профсоюзов и т. п.

После Октябрьской революции она начинает работать в отделе управления Губисполкома, далее организатором при горкоме РКП, а также в партийной школе имени Свердлова.

Вот Клавдия Николаева — петроградская работница хорошо познакомившаяся с тюрьмой и ссылкой, надорвавшая ими свое здоровье, но все такая же бодрая и энергичная, громкий и убежденный голос которой все с тем же подъемом звучит на наших

съездах и конференциях. Вождь петроградских работниц она всю жизнь отдает делу революции.

Эмилия Солин, работавшая в Петрограде в трудное время перед мировой войной, одна из организаторш первого журнала „Работница“, пошедшая в Сибирь с его разгромом.

Тов. Антонова, яркий портрет которой дан нам мастерской кистью тов. Коллонтай в журнале „Коммунистка“ (№ 7, 1921 г.).

„Она была одна из тех героинь великого освободительного движения пролетариата, которые погибают безымянно, безвестно. Она смело шла против трех основ буржуазного общества: царя, капитала и порабощения женщины... Член партии, ярая большевичка, она работала в подполье. „Исстрадались мы“—говорила она.—Для нас, работниц, один исход—революция. Нет больше сил терпеть. Женщина больше, чем мужчина страдает и больше понимает несправедливость. Только мы говорить не умеем. Слов у нас нет“... Она предлагала тогда же начать работу среди женщин и взялась в своем районе положить почин... Чахоточная, тающая у нас на глазах, тов. Антонова всегда горела жаждой дела. Это по ее инициативе возникла группка работниц в Петрограде, которые настояли на образовании первого клуба работниц в 1907 г... Движение русских работниц тогда умещавшееся в маленьком клубе, стало неразрывной частью борьбы рабочего класса всего мира за свое освобождение, за коммунизм... И в истории этого движения имя скромной работницы Антоновой должно быть занесено на красную доску“.

Вот еще целый ряд работниц.

Карманова, участница всех стачек с 1905 года, в Костроме, организатор текстилей в 1906 году, была в тюрьме и два года в ссылке.

Бочарова, из бедной крестьянской семьи, работница одной из Петроградских типографий. Арестован-

ная за забастовку в 1912 году, она была сослана в ссылку, где и пробыла до 1917 года.

Никифорова, петроградская работница, высланная из Питера, как политически неблагонадежная в Вышний Волочек и пробывшая там до февральской революции.

Соловьева, петроградская же работница, Смекалова, московская работница...

Их много еще... Преданных, верных делу освобождения труда от гнета капитала от царского произвола и насилия...

Много их, знакомых с царской охранкой, тюрьмой, ссылкой...

Рука об руку с наиболее сознательными представителями рабочего класса они кропотливо работали в подполье во времена царского самодержавия. Эта работа принесла свои плоды.

Пролетарская революция вывела их из подполья на баррикады. За ними пошли сотни, тысячи еще остававшихся пассивными в мрачные дни самодержавия.

„Гром Октябрьской революции разбудил нас точно от сна“,—говорит одна из работниц, не примкнувших еще к рабочему движению в дооктябрьские дни. Проснувшиеся сотни, тысячи, миллионы работниц и крестьянок поднялись вместе с своими братьями, мужьями и отцами, вступив в бой с вековыми угнетателями рабочего класса—с белой гвардией всего мира.

Они идут ковать новую жизнь...

В КРАСНЫХ БОЯХ

Зинаида Чалая

* * *

Шумит по нивам колесо станка,
Гудит гудок погудом стоголосым,
Всплыла заря, прозрачна и легка,
И замахнулась кумачом платка
Над золотистой рожью и по росам.
По городам, по селам и полям
Пронесся крик многовековой брани—
То крик зари грядущим буйным дням,
То трубный призыв утренним огням
Родную пашню золотит и ранит.
И вышли девушки из городских ворот
К сельчанкам на тесовые пороги
Зовут, туда, в шеренги красных рот,
Где бой как быль, как ветер перейдет
Всех стран и родин пыльные дороги.
И отклик был. Идут! Плечо в плечо!
Работницы, крестьянки и крестьяне—
За ними вслед. Вольно и горячо
Слагают песню... Ружья на плечо.
Уж впереди багреет поле брани.
Сестра-боец, начальник „партизан“
И командир броневиков каленных
В цветных платках пришли в рабочий стан
Принять крещенье подвигов и ран—
Под старые рабочие знамена.
Идут. И падают. И вновь и вновь идут...
И жертвы милые срываются в откосы.
В степях—могилы... Ветры их найдут,
Да сторожем по ним, как боевой редут,
Гудок пройдет погудом стоголосым.

* * *

История классовой борьбы, история рабочих революций, дает не мало примеров активного участия женщины-работницы в этой борьбе.

Парижская коммуна, 1905 год в России, сорок восьмой год в Германии, гражданские войны в других европейских и американских странах—все эти горячие вспышки пролетарской борьбы выдвинули много рядовых и ответственных героев-женщин.

Но никогда еще гражданская война пролетариата не имела такого размаха в обще-государственном и во всемирном масштабе, как это произошло в Октябрьские дни 1917 года.

И никогда она не захватывала женскую часть пролетариата в такой мере, в массе, когда отдельные ее герои исчезают в величии общего подъема, массового участия в вооруженной классовой борьбе.

Впервые работница в массе вместе со своим мужем, братом и сыном проходит военное обучение в строю и идет на позиции как боец, нередко добиваясь командующих постов.

Если отдельные подобные случаи и бывали в истории революционной борьбы, то как общее явление их дала в первый раз—Октябрьская Революция в России.

Бесчисленное количество работниц, крестьянок и просто революционных девушек города погибло в уличной борьбе в Петрограде, в Москве, в Ростове-на-Дону, в целом ряде боевых центров коммунистической республики.

Вот что делали например работницы и крестьянки Кустанайского округа (Кирреспублики) в дни колчаковщины.

Об этом можно прочесть в нижеприводимой выписке из приказа, розысканного инструктором отдела ЦК РКП по работе среди женщин, при объезде Кирреспублики, в октябре текущего года.

„ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА".

По гарнизону г. Кустаная и всему гражданскому населению Кустанайского Округа. № 16, 23 апреля 1919 г.

Я лично убедился, что в восстании большевистских банд в городе Кустанае и поселках его уезда принимали фактическое участие не только мужчины, но и женщины, позволяя себе производить стрельбу из-за углов, окон и крыш, и чердаков по нашим доблестным защитникам родины. До сего времени эти преступницы в меньшей степени оставались в стороне, не получив должного возмездия за предательство по отношению к родине. Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреляние и повешание такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию.

Подлинный подписал: Нач. гарнизона полковник Томашевский.

С подлинным верно: Ст. адъютант подпоручик Шевченко.

Комментарии излишни: кустанайские работницы и крестьянки стояли на страже революционных завоеваний.

Много их пало на красных позициях в борьбе против Корнилова, Каледина, Юденича, Деникина, Колчака и других врагов пролетариата.

Имена этих женщин рабочего класса исчезли вместе с их жизнью, и большинство их погибло безвестно и скромно на своих постах.

И даже из тех нескольких десятков биографий, которые уцелели и дошли до нас, сейчас мы имеем возможность за недостатком места использовать только немногие.

И эти имена, которые мы приводим, отнюдь не являются единичными героями. Это только небольшие примеры из общей великой цепи пролетарок, рука об руку с братьями-рабочими вставших на борьбу за коммунизм.

Люда Макиевская

„Она погибла на своем посту командира бронепоезда, убитая снарядом, попавшим в пульман, где она в этот момент находилась.

Товарищи, знавшие эту девушку, полную самоотверженности и доброты, строгого командира и славного героя, никогда ее не забудут“.

(„Коммунистка“ № 10—11. Октябрь—ноябрь, 1922 г.)

Иван Пиньков (Самара).—Это молодая девушка-крестьянка Бузулукского уезда, сражавшаяся в 1918 г. на Актюбинском фронте. Из многих боев, в которых она участвовала, товарищам особенно памятен бой под поселком Харьковским, когда под градом белогвардейских снарядов заколебались наши части. Пенькова бросается вперед с криком „Товарищи вперед! Победа за нами!“—и увлекает за собой всех остальных. Противник был разбит.

Пройдя пулеметную школу, т. Пинькова отправляется на Уральский фронт и там гибнет на своем посту, окруженная казаками и не сдаваясь — до последней минуты жизни.

Тамара Воронина (Самара). — Также, нередко в боях своим героизмом увлекала товарищей к победе в самые трудные минуты, сражаясь на Колчаковском фронте. Она была и чутким товарищем, мужественно вынося раненых из полосы огня за десяток верст в тыл, после чего с прежней энергией возвращалась к бою.

В одном из боев казаки захватили ее в плен, приговорили к расстрелу, но, узнав что она женщина, запороли ее до-смерти.

Тов. Воронина при жизни была представлена к ордену Красного Знамени.

Товарищ Захарова. Работала на Уральском, на Врангелевском и других фронтах как сестра и как боец-разведчик. Нередко ей поручались трудные и опасные задания, и она всегда выполняла их. Так, однажды, ночью она пробралась в белогвардейский лагерь освободила арестованных там наших товарищей, убив часового, собрала нужные сведения и вернулась в полк.

Тов. Захарова

В то же время она была красной сестрой, учителем грамоты, агитатором и пропагандисткой.

В 1920 году, попав в плен к Врангелю, она подверглась жестоким истязаниям и была приговорена к расстрелу, но ей удалось бежать. В 1921 г. ее ранили бандиты. После выздоравления т. Захарова с прежним подъемом работает на своем посту и только тяжкий туберкулез вырывает ее из строя.

Настя Холодова. Работница, до революции активная подпольщица, сидевшая в Иркутской тюрьме и подвергавшаяся многим преследованиям, как при царе так и во времена Керенского. Октябрьскую революцию встретила в Сибири и там сражалась в наших рядах в декабре 1917 г. На фронте т. Холодова работала в качестве конного разведчика и все время находилась на передовых позициях. Два раза она попадает в плен к белым. В трудную минуту, при падении Советской власти, Холодова организует партизанский отряд и вместе с ним переносит все ужасы

партизанской войны, ободряя и сплачивая свой отряд. С большим трудом она изгоняет раздоры из среды уставших бойцов, готовых разбежаться. Холодова собирает вокруг себя лучших из них и уходит с этой кучкой по направлению к Иркутску.

Простудившись при переплытии реки, беременная, она одна пробирается к Иркутску. Ее улпчают, но Холодова, расстреляв все свои патроны успевает бежать верхом на лошади в тайгу, оттуда—в Иркутск. Здесь, благодаря предательству, она была арестована и приговорена к расстрелу. Но родившпйся ребенок спас ее: т. Холодову приговорили к вечной каторге. Переворотом 1920 г. она была освобождена.

Не поддаются учету сотни тех товарищей-работниц, которые выходили из самых отдаленных уголков России, Украины, далекой Сибири, юные, беззаветно преданные революции, шли и боролись и гибли в общей массе.

Надя Шевченко, только что вступившая в жизнь и в партию и ушедшая в самые опасные места в борьбе с бандитизмом на Дону, погибла в первом же бою в Донецком округе.

В последний момент, когда их красный отряд окружают белогвардейцы, Шевченко бросается вперед и падает под ударами нескольких десятков белогвардийских штыков.

Соня Фадеева (Астрахань), коммунистка работавшая в тылу противника, по приговору Полевого суда Добровольческой армии была повешена; она умерла с героической стойкостью и последним крпком этой девушки было: „Да здравствует Советская власть!..“

Тов. Комарова (Ив.-Вознесенск), которая уходит на фронт с первым красным эшелоном и, несмотря на болезни, лишения и нужду, полураздетая, босая не покидает своей работы в самых опасных местах сражений...

Лидия Кузьмина, береговая работница в Астрахани, проходит длинный и опасный путь под-

польной борьбы в старой армии, пережив ужасное отступление XII армии на Каспийско-Кавказском фронте...

Анна Рябченко (Ростов н/Д.) и Антонина Ананьева, мать и дочь, мать-старушка, погибшая в тюрьме у белых с твердой верой в красную свободу и дочь — рядовой героей Красной армии...

КРАСНЫЕ СЕСТРЫ

Красные сестры гражданской войны, это не те милосердные сестры, которые в империалистическую войну работали в военных госпиталях с гуманитарными целями помощи раненому человеку или с авантюристическими стремлениями „эмансипированных и не эмансипированных“ офицерских дам. Сестры милосердия одного лагеря щадились, попадая в неприятельский плен, ибо весь аппарат „Красного креста“ старой войны считался нейтральным, благотворительным учреждением равно для обеих сторон.

Красные сестры — это работницы и крестьянки, беспартийные и коммунистки, женщины, вышедшие из горна Октябрьской революции, это не сестры милосердия в старом смысле, а идейные бойцы и солдаты революции.

Помогая раненому в бою товарищу, перевязывая раны и работая в госпиталях, красные сестры в то же время почти всегда были вооружены, и в нужный момент выступали как бойцы, с оружием в руках.

Если они попадали в плен, белогвардейцы не щадили их, но подвергали жесточайшим избиениям, издевательствам и казни, потому что видели в них таких же классовых врагов, как и в каждом рабочем красноармейце.

Красные сестры шли на фронт не в целях благотворительной помощи солдатам, но в сознании своего долга пролетарок, правоты рабочего дела, в горячей тяге к победе пролетариата над капитализмом. Красные сестры—такие же непримиримые враги контр-революции, как и всякий сознательный рабочий и коммунист. Это идейные и боевые солдаты Октября.

Зинаида Чалая

КРАСНОЙ СЕСТРЕ

В те дни, когда расплавленною сталью
Лепились пули в тяжкий броневик
И по цепям буденовки дрожали
В дыму, и падал красный строевик,—
Твои глаза над раненым сияли.

Одна, в цепи, под воплями снарядов
С набитой сумкой мчалась по рядам,
Тушила боль и ободряла взглядом,
Не зная меры сплам и трудам.
С бойцами—жизнь, и смерть—с бойцами
рядом.

И в трудный час с японским карабином
Ты шла вперед, сама боец лихой,
Звала. И за тобой жестоким клином
Мы шли тогда, и в самый страшный бой
Случались победителем едпным.

Откуда ты? От пашни, от заводов,
Работница. Октябрьская пора
Таких как ты внесла в родные взводы.
Таким как ты, товарищ и сестра,
Привет—от раненых бойцов свободы!

СЕСТРА БОЕЦ

Сестра Патрикеева — работница. С 12 лет она работала на фабрике. В 1919 году ушла в Красную армию, защищать Советскую власть. Она все время была на передовых позициях, убирала и перевязывала раненых. Раненая осколком гранаты, не вышла из строя и продолжала работать.

Во время конвойной атаки под М. Ч., когда наш левый фланг был потеснен противником, сестра Патрикеева одна выехала и бросилась вперед на колонну поляков с криком „ура“. Своим мужеством она увлекла за собой весь полк и положение было восстановлено. Во время паники неприятеля Тов. Патрикеева оказалась среди врагов но не потерялась, сняла для себя оружие с плеч одного солдата.

На фронте она заслужила любовь и уважение ейцев, будучи первой в бою и последней при отступлении.

Трижды раненая, она осталась на фронте до конца войны.

За свою борьбу против врагов рабочего класса — сестра Патрикеева награждена орденом Красного знамени.

УЧИТЕЛЬНИЦА В КРАСНЫХ СЕСТРАХ

Дочь крестьянина, добившаяся своим трудом звания учительницы, Мария Макеева, до революции все свой силы отдавала детям рабочих и принимала деятельное участие в революционной подпольной работе.

В 1918 г., при наступлении Корнилова, ушла на фронт и в качестве красной сестры помогала товарищам, перевязывая раненых и ободряя слабых и усталых воинов.

Работала она всегда под огнем, в боях, с редкой самоотверженностью, бодро и жизнерадостно. В бое-

вое время она потеряла своего товарища — мужа, но не упала духом, а еще с большей энергией ушла в работу.

При налете белых на Баталпашинск, она первая бросилась спасать документы партийного комитета, была захвачена белыми, но и здесь, несмотря на издевательства, проявила свою стойкость:

— „Я погибну, но не погибнет революция и идея коммунизма!“ говорила она своим мучителям.

После долгих истязаний она была расстреляна.

ИЗ-ПОД ВИСЕЛИЦЫ

Тов. Корнеева

Надежда Корнеева — работница, с юных лет принимала участие в подпольной работе в г. Екатеринославе. Приняв участие в октябрьских событиях, она трагическим образом потеряла своего ребенка, после чего ушла на фронт красной сестрой. В плену у Корнилова подверглась беспощадному избиению, но бежала и продолжала свою работу. Во второй раз ее захватили казаки и направили в Кизлярскую тюрьму. Ее приговорили к повешанию. Но в виду близких родов отложили исполнение приговора до рождения ребенка.

Вследствие тяжелых побоев, перенесенных т. Корнеевой в тюрьме, ребенок умер на третий день, после чего мать с помощью одного товарища освободилась и ушла в подполье. Здесь она вела агитацию среди белой армии, вновь попала в тюрьму, но бежала в горы и вернулась опять в Красную армию

СЕСТРА БАШКИРКА

Нашма Трофимова дочь рабочего г. Уфы. тов. Нашма, будучи уже учительницей, приняла участие в революции октябрьских дней. При наступлении чехов в 1918 г. вступила в Красную армию сестрой и ушла на фронт. В бою она все время находилась в цепи, помогала раненым и, овладев оружием, сама действовала как боец.

Получив ранение она продолжала работать.

Раненые товарищи находили в ней геройского друга и самоотверженную сестру. Переболев тифом, она вновь возвращается на фронт и принимает участие в боях под Царицыным.

Своей работой т. Нашма заслужила всеобщее уважение и была с благодарностью отмечена перед всем полком.

Зинаида Чал я

НА ПОСТУ

этюд

Свистнул ветер и пронесся мимо,
Затерявшись меж малюток — звезд,
И сменился у ворот незримых
Революционный пост.

* * *

Вышла на часы Данад — малютка,
Патрулю — товарищу кивнув, —
. . . Вся то ее жизнь — одна минутка,
Влитая в звенящую струну.

36387/8°

* * *

В кобуре — стальной и страшно черный
Заряжен к полуночи наган,
И легла на карабин упорно
Смуглая упорная рука.

* * *

Пуст проспект и полосою синей
У закрытых магазинов спит,
Только нежно сталь трамвайных линий
Чуть звеня, чуть-чуть еще блестит.

* * *

Кто идет? Пароль! — Осечка! Орлик?!.
Это ты?.. а это ты, Данад!..
Положила руку на револьвер:
— Мне не время, проходи в отряд!

* * *

И Данад одна стоит у штаба,
Знает. Будет нынче новый бой,
Будет с ней Петро — начальник храбрый,
И отряд ее возьмет с собой.

* * *

Сроки тают серебристой пылью,
Шевелятся острые штыки —
Это там — напротив пост сменили
У дверей светящейся Чеки.

* * *

Скоро, скоро... Падая и тая,
Опрокинулись ракеты звезд,
И минуты четкие считает
Революционный пост.

ТОВАРИЩ БАЛАНДИНА

Тов. Баландина

Александра Баландина родилась в рабочей семье и с 14 лет работала на заводе. С юных лет она принимала деятельное участие во всех стачках и помогала революционерам вести подпольную работу на предприятии и по всему городу. Сама выступала с агитационными речами и в шествии стачечников несла красное знамя. Ее арестовывали, сажали в тюрьму, но оттуда она выходила еще более стойкой и уверенной в победе рабочих.

Подпольная организация принимает тов. Баландину в свои члены и воспитывает в духе революционного марксизма.

В мае 1918 года тов. Баландина мобилизуется в Красную армию, на чехо-словацкий фронт, где работает как сестра и агитатор.

Она попадает в плен Колчаковской армии, но во время бури сумела удрать и вернуться в свой полк. Ее, как ценную боевую силу, все время перебрасывают из одного полка в другой, в самые опасные места и таким образом она проходит весь Урал, участвуя в его освобождении.

Но под Ялуторовском, при обстреле станции, она вновь попадает в плен. Ее не узнали. На вопрос: — ты коммунистка она ответила „я коммунистка“, чем привела своих следователей в изумление.

Тов. Баландину приговорили к расстрелу, но солдаты, которые вели ее к месту казни, были распропагандированы ею и вместе с нею перекочевали в красные полки.

Под Ишимом, находясь в разведке, она с целым эскадроном в третий раз попадает в плен, но на этот

раз, оглянувшись на товарищей, она с криком бросилась вперед и благодаря ее смелости, эскадроном была уничтожена часть, захватившая их в плен.

— „Узнав их пароль, мы все переоделись в их обмундирование, — рассказывает т. Баландина, — и пошли бушевать. Разбили штаб корпуса, нагнали на них ужас и они бросились в панике разбегаться — много осталось убитых и раненых, а мы пробиваясь с их паролем, вернулись к своим„.

Тов. Баландину военком дивизии благодарил перед всем полком.

В 1920 году т. Баландину мобилизуют на западный фронт. Там она работает в госпитале и в летучках, попадает в плен к полякам, но через месяц убегает из плена. В бою на реке Буй получает вторую контузию, после чего работает как военком госпиталя уже в 1921 г. Затем переходит на должность политрука и только в июле, тов. Баландина переутомившись, демобилизуется.

Так прошла полная опасности и сознания своего долга, боевая пора еще одной работницы.

Товарищи, долго работавшие с ней, постоянно подчеркивают необыкновенно стойкую натуру товарища Баландиной.

БОЕВОЙ ПУТЬ

Таисия Семеновна Вишневская до 1917 г. принадлежала к секции дела к коммунистической партии Украйны и по поручению организации занималась распространением нелегальной литературы среди войсковых частей.

С начала революции 1917 г., по распоряжению партии работала на фронте и там попала в польский плен.

Тов. Вишневская работала в дивизии Григорьева до момента его измены. После этого была назначена

инструктором при полевом штабе 45 дивизии. Во время восстания в Подольской и Херсонской губерниях она попала в плен повстанцев, бесчеловечно избивавших и истязавших свои жертвы, чему подверглась и т. Вишневская.

Товарищ Вишневская была приговорена к смертной казни, но ей удалось бежать и, скрываясь целый день в кукурузных полях, она с товарищами миновала в одну ночь восемьнадцать застав противника и вернулась к своим.

На станции „Гонта“ Вишневская получает приказ в разведку, которая не удается, так как Вишневская попадает в плен к махновцам.

Освободившись от махновцев и работая на позициях инструктором, она попадает в руки деникинцам и будучи выдана родственниками мужа — приговорена к повешанию вместе с 5-ю товарищами. Ей удалось бежать с ложными документами в Киев. Здесь родные вновь позаботились о ней, и опять т. Вишневская схвачена деникинцами.

Воспользовавшись переполохом последних, в виду наступления большевиков, т. Вишневская в доме, где была арестована, нашла ванну наполненную бумагами, зарылась в бумаги и сидела там 18 часов до прихода Красной армии.

В следующий раз, когда тов. Вишневская работала уже в 172 бригаде, случилось так, что на бригаду налетел бандит Тютюник на ст. „Каменева“, вся бригада была изрублена и только некоторым товарищам удалось спастись.

После этой перетряски товварищ Вишневская через одну крестьянку собрала боевые сведения и принесла их в часть, следствием чего были новые боевые операции и отряд бандита Тютюника был разбит и потерял свой обоз.

Прибыв со своей частью в Киев, товарищ Вишневская была представлена к ордену Красного Знамени.

В дальнейшем эта смелая женщина отправляется на польский фронт и участвует в нашем наступлении. Здесь она получает две контузии и попадает в плен. После долгих издевательств ее отправляют в Люблинские казармы, где она занялась успешной контрагитацией против сманивания пленных в белогвардейские отряды.

За эту работу, хотя и не уличенная, тов. Вишневская переводится в Дамбе, где тайно работает по поручениям польской партийной организации, содействуя побегу целого ряда товарищей. Получив наконец от партии и для себя разрешение бежать, т. Вишневская бежит в Германию, чтобы оттуда перебраться в Россию. Но германские власти арестовывают ее и препровождают в лагерь Кроссейн, откуда она и бежала вместе с 17-ю другими товарищами — в Берлин, а оттуда в Россию.

Таков боевой путь, пройденный этой отважной коммунисткой, путь полный опасностей, тревог и лишений, но освященный ясным сознанием своего дела и твердой уверенностью в победе пролетариата.

И если есть в рядах рабочего класса такие бойцы, выкованные даже в отсталой женской среде, бойцы, которым идея коммунизма ярко освещает опасный путь вперед, и чем больше у нас таких товарищей— тем тверже наша уверенность в том, что рабочий класс непобедим.

ОРГАНИЗАТОРЫ

Работница Витковская

К РАБОТНИЦЕ

Работницы фабрик, полей и заводов,
Кровью своей мы зажгли города.
Работницы смелые, девушки юные,
Много нас в мире труда.

Помните: голод на улицу гнал нас,
Силу высасывал спрут-капитал,
Девушке в сердце, в лучистое сердце
Сын фабриканта плевал.

В темном подвале семья голодала,
Слезы иссякли в бездонных очах,
Вышла на улицу—юность распяли,
Улица муть затаила и страх...

Ратью могучей мы тесно сомкнулись,
Крепло сознанье в рабочих рядах,
Мускулы дрогнули, сбросили цепи,
Солнце взметнулось на наших плечах.

К. Самойлова

ЧТО ДАЛО ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИЦ*)

На первое Всероссийское Совещание работниц 16 ноября 1918 г., организованное Центральным Комитетом Партии, собралось 1.100 делегаток от разных

*) Эта статья т. Самойловой, написана ею в брошюре „Всероссийское Совещание работниц“ в 1919 году.

фабрик и заводов; профессиональных союзов и партийных организаций.

Было среди делегаток совещания несколько крестьянок, представительниц деревенской бедноты.

Такое большое число делегаток удалось собрать на совещание только благодаря тому перелому в настроении широких масс работниц, который обнаружился перед совещанием, благодаря целому ряду общих причин: увеличению хлебного пайка, победам Красной армии на фронте и начавшейся революции в Германии. Все эти причины, вызвавшие заметный подъем настроения вообще в рабочей среде, не могли не отразиться и на работницах. Их подавленное настроение усталости и безразличия к политической жизни стало заметно проходить по мере того, как нарастал общий подъем в настроении пролетариата, по мере того, как стали получаться сообщения о победах советских войск на чехо-словакском фронте и о начавшейся революции в Германии, Болгарии и других странах.

Работницы стали охотнее посещать собрания, читать газеты и листки. Они еще более оживились, когда на всех фабриках и заводах, во всех предприятиях началась агитация и выборы на Всероссийское Совещание работниц. На многих фабриках и заводах Петрограда эта предвыборная агитация и вся подготовительная работа к Съезду проводилась передовыми работницами, организованными в секции работниц при районных комитетах.

Работницы сами выступили на собраниях по фабрикам и заводам, разъяснили все вопросы порядка дня и руководили выборами делегаток.

Это деятельное участие передовых партийных работниц в подготовке совещания обеспечило преобладание на нем работниц-коммунисток.

Таким образом, первое Всероссийское Совещание работниц не только оживило широкие массы работниц, вывело их из того состояния апатии и застоя, в котором они находились еще так недавно, благодаря

продовольственной разрухе, но это совещание выдвинуло также целые кадры передовых работниц.

Выступая на предвыборных собраниях по фабрикам и заводам, проводя самостоятельно всю работу по выборам, эти работницы прошли некоторую практическую школу, стали выступать и более уверенно высказываться, тогда как раньше они на это не решались.

Словом, Всероссийское Совещание работниц имело, несомненно, агитационное значение для широких масс трудящихся женщин.

Работницы, приехавшие из провинции, из докладов, которые они выслушали на Совещании, почерпнули и некоторый организационный опыт, узнали как ведется работа в центре революции—в Москве и Петрограде и других городах. Для многих провинциальных делегаток то,. что они услышали на совещании, было настоящим откровением. Например, делегатки, приехавшие из Вышнего-Волочка с фабрики всем известного Рябушинского, угрожающего рабочим „костлявой рукой голода“, выражали немалое удивление по поводу тех улучшений своей жизни, которых добились работницы Питера.

„У нас на фабрике Рябушинского,—говорили делегатки,—все еще как при старом режиме, мастера и управляющие хозяйничают. В Питере, говорят, рабочие некоторых купцов выселили и поселились в их квартирах. А у нас как раньше жили, так и теперь живем. Мастер вдвоем с женой занимает несколько комнат, а рабочий с целой семьей ютится в одной комнатушке. Как приедем с совещания,—добавляли они,—все у себя на фабрике повернем по-новому, мастеров из казенных квартир выселим и сами в них поселимся“.

Некоторые делегатки, особенно крестьянки, делали из этого совещания работниц свои, подчас комичные выводы.

Одна из крестьянок, которую муж ни за что не хотел отпускать на Совещание работниц, жалуясь на свой домашний гнет, на притеснения со стороны мужа, говорила: „Я не знала, что по новому закону можно разводиться с мужем, как приеду домой, беспременно первым долгом разведусь со своим, сил моих нет больше жить с ним“.

Вообще же выступавшие на Совещании крестьянки, делегатки деревенской бедноты, нарисовали тяжелую, прямо жуткую картину положения женщины-крестьянки как в ее домашнем быту, так и в жизни всей современной деревни.

Большинство крестьянок до сих пор еще испытывают невыносимый гнет, полное бесправие и порабощение как в своей семье, так и в окружающей среде со стороны всего крестьянского мира.

Не говоря уже о том, что некоторых крестьянок мужья не хотели отпускать на Совещание, но и среди крестьян-односельчан выборы крестьянок на Совещание вызвали полное недоумение и непонимание.

Крестьяне с удивлением говорили между собой, что нужно куда-то выбирать женщин, которых вызывают в Москву „по бабьим делам“ и непременно хотели послать по этому „бабьему делу“ наиболее зажиточных крестьянок из кулацкой среды, считая их более хозяйственными и более толковыми.

С трудом удалось делегаткам совещания добиться того, чтобы выбирали не богатеек, а представительниц деревенской бедноты. Доклад одной из делегаток, обрисовавшей тяжелое материальное положение крестьянки, потерявшей мужа во время последней войны и оставшейся с пятью детьми на руках, был сплошным криком наболевшей души. Она обращалась к Совещанию за поддержкой, она с верой говорила о том, что рабочие поддержат деревенскую бедноту и закончила свой доклад тем, что потеряв мужа на войне, она готова теперь „бросить своих малых детей, взять в руки ружье и пойти на борьбу против всех мироедов“.

Хотя на первом Всероссийском Совещании работниц было слишком мало представительниц от крестьянок, но все же это совещание пробило первую брешь, положило начало установлению связи женщины-работницы с женщиной-крестьянкой, привлекло внимание забитой, заброшенной женщины деревни к движению и борьбе рабочего класса.

Подводя некоторые итоги того, что дало первое Всероссийское Совещание работниц, отметим, что оно часшевелило широкие массы работниц и пробудило у них вновь интерес к политической жизни, что оно дало толчек к пробуждению женщины-крестьянки и установило связь ее с работницей, что, наконец, выдвинуло ряд передовых сознательных работниц и сделало их более убежденными членами партии коммунистов, можно сказать с полной уверенностью, что Всероссийское Совещание работниц прошло под руководством и под знаменем коммунистической партии. Все принятые на нем резолюции вполне соответствевали программе коммунистической партии.

Да иначе и быть не могло. Ведь коммунистическая партия является единственной партией, которая ведет теперь всю положительную работу как по строительству советской республики, так и по сплочению и организации широких рабочих и крестьянских масс.

Что Всероссийское Совещание работниц прошло под руководством коммунистической партии и освещало все вопросы лишь в тесной связи с задачами всего рабочего класса, это служит лучшим ручательством, что у нас работа среди женского пролетариата не пойдет обособленным путем, не приведет к созданию каких либо отдельных, самостоятельных женских организаций.

Противники работы среди женского пролетариата высказывали опасение, что Всероссийское Совещание приведет к отделению, к обособлению работниц от рабочих.

Это опасение оказалось совершенно неосновательным, так как во всех докладах, прениях и резолюциях красной нитью проходила основная мысль, что интересы работниц и рабочих одинаковы, что задачи выдвигаемые перед ними текущим моментом, совершенно тождественны и нет ни одного вопроса, обсуждаемого на Всероссийском Совещании работниц, который не касался бы также рабочих.

У некоторых невольно возникает вопрос: так зачем же было и устраивать это Совещание работниц, когда происходят Всероссийские съезды Советов рабочих депутатов, партийные конференции, съезды профессиональных союзов, где работницы могут присутствовать.

Но в том то и дело, что на всех этих общих съездах работниц или совсем не бывает, или бывает очень мало, благодаря их отсталости и слабому участию в политической жизни.

На Совещание же работниц удалось собрать не только больше тысячи делегаток, но и всколыхнуть в связи с этим Совещанием широкие слои самых неорганизованных работниц и крестьянок.

РАБОТНИЦЫ В ПАРТИИ

Октябрь уровнял работницу и крестьянку в правах. Раскрепостив их, революция втянула тружениц в классовую борьбу. Под руководством коммунистической партии работницы и крестьянки рука об руку с пролетариями города и деревни строят новую жизнь. В партии в советах, в профсоюзах, в армии, в школе, в детских учреждениях—всюду пробудившаяся к сознательной жизни труженица.

Растут колонны участниц в политической и Советской работе, растут ряды партий. Работница и крестьянка приобщившаяся к пролетарской борьбе, сознательно вступающая в коммунистическую партию,

не только поняла задачи этой партии, но активно работает в ней—она в большинстве, организатор новых не затронутых трудовых масс.

На шестой год революции коммунистическая партия насчитывает уже не десятки или сотни тружениц города и деревни, а тысячи, десятки тысяч. (В 1922 г. членов Р. К. П. женщин—39.934, а в 1917 г. их было около 10.000).

Сознательная пролетарка-коммунистка выступает уже не только как рядовой партийный работник, но и как руководитель, организатор.

Перекати-Поле

КОММУНИСТКА

Ты с солнечным лицом и с солнечной душой,
И каждый, кто стоит, дитя, перед тобой—
Согрет и освещен. В тебе избыток сил,
Избыток красоты золотоносных сил.
Дай золото души, дай золото ума
И будет светел мир и чист, как ты сама.

И ясный голос твой, как пламенный кинжал,
Отвагой дерзостной и пылом заражал.
Нет снисхождения, ни жалости в словах,
Но дум решительных бесповоротный взмах,
Чтоб революция, как солнечный пожар,
емной со всех сторон озолотила шар.

Как солнце землю ты готова обойти,
Чтоб сеять всюду жизнь и бодрость по пути,
Чтоб разгорелся труд на солнечном тепле,
Свобода расцвела и радость на земле,
Чтоб мир трудящихся рванулся за тобой
С такой же солнечной, как у тебя душой.

ТАКИХ НЕМНОГО

Нам не забыть кактираны нас мучили,
Но это время никто не вернет.—
Мы закалились в огне революции
Гордо и смело мы смотрим вперед.

Тов. Тормасова

Нельзя без гордости говорить о тех, кто вышел из нищеты и горя, кто исстрадался всеми страданиями людскими и кто вырос в мощного организатора.

В бедной Успенке Бугурусланского уезда Самарской губернии кое как пробивалась малоземельное хозяйство Тормасовых.

Едва исполнилось младшей девочке 2 года умирает от чахотки отец. Мать с двумя малыми ребятами уезжает в Самару на заработки. 10-ти летнего сына она отдает в портновскую мастерскую, сама поступает с девочкой в прислуги, да не очень то любят господа лишний рот кормить,— увольняют; приходится ходить поденно стирать белье.

Девочку 7 лет берут богатые купцы, у которых стирала мать, на воспитание, чтобы веселей жилось их дочке; дочка идет в школу, а воспитанница ее только провожает; учиться прачкиным детям незачем! К матери и брату не пускают, научится дурным манерам, покажет пример барышне.

В 1904 году брат-портной, работающий в революционном подполье, тайком приносит своей 13-летней сестре революционную литературу; девочка прочитывала, мало разбиралась, но инстинктивно понимала сущность. Два года брат воспитывал ее таким образом; пока в 1906 г. не пришлось уехать из Самары от преследования полиции.

Жизнь у купцов—„благодетелей“ становится невыносимой и 15 летняя девочка Тормасова уходит от своих „спасителей“.

Вскоре она находит работу в кондитерской и с этих пор начинается иная жизнь.

До 18 лет приходится скитаться по мелким мастерским; нужда, голод преследуют каждый день.

18 лет Тормасова выходит замуж за интелигента, чуждого интересам рабочего класса; 20 лет с грудным ребенком на руках она уходит от мужа и поступает на трубочный Самарский завод.

Ребенка приходится оставлять на целый день одного, уходить кормить ребенка во время работы мастер не пускает. В таких условиях ребенок гибнет.

Горе еще больше сближает Тормасову с рабочими, работницами, еще яснее, понятнее становится сущность борьбы пролетариата. С большим вниманием она перечитывает литературу, оставленную братом; присматривается к рабочим-подпольникам на своем заводе.

Своей сознательностью т. Тормасова выделяется в среде рабочих своей мастерской, в 1916 году мастерская избирает ее на совещание по организации заводского кооператива, там она сталкивается с рабочими-большевиками, поддерживает их предложения. После чего нелегальные организации большевиков на заводе начинают ей доверять, звать на свои собрания.

С начала февральской революции т. Тормасова вступает в члены коммунистической партии, тогда еще Р. С.-Д. Р. П. (большевиков).

Рабочие завода избирают ее в Центральный фабрично-заводской комитет.

Тов. Тормасова была первая ласточка среди работниц трубочного завода, выступившая на общественной работе.

Она с головой уходит в партийную и профессиональную работу, недюжинные организаторские способности выдвигают тов. Тормасову. Конференция метал-

листов выбирает ее в свой первый Самарский комитет, от союза же металлистов она проходит в 1-й созыв Самарского Совета Раб. и Кр. депутатов. До июня 1919 года т. Тормасова работает на трубочном заводе, все свободное время, с неутомимой энергией, живая, подвижная, она отдает на работу в ячейке, в фабрично-заводском комитете, правлении металлистов, в Совете,—это воплощенный организатор; нет дела, за которое она взялась, чтобы оно ни кипело, чтобы вокруг него не организовались самые отсталые рабочие и работницы; ко всяким нуждам рабочих она относится чутко, просто, за что любят ее безгранично, доверяют ей рабочие.

С наступлением фронта, она организует санитарные отряды.

С вступлением Дутова т. Тормасова скрывается в своей родной деревне Успенке, ее арестовывают, но, не установив улик, освобождают и она уезжает в Самару, и по возвращении Советской власти работает на кондитерской фабрике.

Летом 1919 г. фракция губпрофсовета посылает т. Тормасову заведывать Охр. Мат. и Мл. Губисполкома. За год работы удается сделать очень многое. В августе 1920 г. Губком партии снимает т. Тормасову с налаженной ею работы для заведывания Губсобезом.

В апреле 21 г. губернский съезд пищевиков избирает т. Тормасову председателем своего губправления, куда она переходит на постоянную работу.

С наступлением голодного фронта летом 1921 г. т. Тормасовой Губком поручает заведывание правовой защитой детей и организацию эвакуации детей. Всю работу на детском голодном фронте, в кошмарных условиях голодного 21 г. проводит т. Тормасова. Неустанно, с раннего утра до поздней ночи, героическими усилиями, т. Тормасова ведет ожесточенную борьбу на одном из ужаснейших фронтов.

Всю работу, вплоть до тщательного осмотра домов, эвакопунктов, она направляет, организует, проверяет сама.

В ноябре 21 года т. Тормасова заражается сыпняком.

Едва встав с постели, т. Тормасова вновь берется за напряженную работу. Губком назначает ее зав. губ. отделом работниц и на этой партийной работе, где она работает и до сих пор, она проявила все свое организационное творчество.

Тов. Тормасова постоянный член партийных, профессиональных, советских съездов губернии; постоянный член Самарского совета, Губисполкома, Губкома партии, Губотдела пищевиков; член I Всероссийской конференции работниц и крестьянок, член IV Съезда профсоюзов, I и II Всероссийского Съездов Советов.

На X Всерос. Съезде Советов т. Тормасова избрана кандидаткой в члены ВЦИК, а I-м Союзным Съездом Съезда Советов—кандидаткой в члены Союзного ЦИК.

ИЗ НУЖДЫ И ГОРЯ

С большими темными глазами, глубокими, серьезными. Вся сосредоточенная положительная, но живая и подвижная—такова наша Курочкина Сибирская.

Все страдания людские, крестьянки бедной, работницы в шахтах, дочери пьяницы-отца, сироты без матери, жены не любимого мужа-насильника, колчаковскую нагайку, тюрьму, белогвардейских офицеров—все испытала она, огонь и воду прошла.

После Колчака сразу в коммунистическую партию вошла, дорвалась и до школы партийной, там узнала то, что чувствовала в глубине своей исстрадавшейся души, все поняла, осознала и стала будить, организовывать самых забитых темных работниц и крестьянок.

В самой гуще сибирской деревни, необъятных урманов, полей бесконечных, ходила и ездила она из деревни в деревню, в зимнюю стужу, в знойное лето,

в Томской, Омской, Акмолинской губерниях; она организовывая, пробудила не одну сотню крестьянок; тысячи пудов хлеба собраны у богатеев благодаря этим уже сознательным крестьянкам, сколько голодающих ребят они спасли от голодной смерти...

Сколько борцов за коммунистические идеи она приобщила к нашей рати.

Не любит Курочкина руководить массами издалека, ей нужна творческая, организационная работа в самой глубине, гуще.

Она тяготится работой, когда ее отделяют от любимых работниц и крестьянок.

Заведущая женотделом Щегловского района, Алтасарского уезда, Акмолинской губернии, Курочкина всегда стремится вниз, в деревню, в шахты, там она как рыба в воде, на своем месте.

Инструктор 1 Сибирского агитпарохода она поразительно быстро осваивается, понимает массу, среди которой ей приходится работать во время стоянок парохода; никто не умеет так быстро найти общий язык, организовать массу вокруг интересующего дела.

„Организовать и закрепить — вот моя работа“ — говорит т. Курочкина.

Это к ней относятся слова поэта:

Столетья нашей жизни темной
Прошли, как каторжные сны.
Я дочь России черноземной—
Свободной от цепей страны...

ЕЩЕ ОДНА...

Тов. Теттер — дочь небогатого крестьянина, до 14 лет была в семье, а потом пошла работать на текстильную фабрику в качестве работницы. Тяжела доля

рядовой фабричной работницы. Она заставила ее искать иной лучшей доли, и тов. Теттер решила учиться „на свои средства“.

Тов. Тетер

В 1914 году, будучи членом РКП, она работает в ученических кружках в гор. Риге, потом она работает в Харьковской подпольной организации. После февральской революции с 17 по 18 г. Теттер была членом Харьковского Совета Р. К. и К. Д. и в то же время членом президиума латышской секции. С 19 г. до 20 она работает лектором в Красной армии. И ей было только 23 года, а у нее уже шесть лет революционной деятельности, что не могло не отразиться на молодом не окрепшем организме.

Но за неимением работников в то время на Кубани Областной комитет назначает тов. Теттер заведывать отделом работниц.

В то время на Краснодар наступал Врангель, город начал эвакуироваться, но и здесь в тов. Теттер сказался дух революционерки. Бодрая под грохот пушек — она все время в партийном комитете, в комиссии по эвакуации женщин и детей рабочих, мужья которых боролись на фронте, а жены с детьми бежали в партийный комитет искать защиты.

И везде успевала Эльга: отправить детей на вокзал, присутствовать на экстренном заседании.

За время работы на Кубани нельзя не отметить удивительно умелого и чуткого подхода к кубанским казачкам и крестьянкам, быт и условия которых совершенно иные, чем у крестьянок центральной России. Это сказалось на областной беспартийной женской конференции.

После областной конференци, областком мобилизует т. Теттер по советизации края, и Теттер выезжает в Славянск, где заболевает сыпным тифом и умирает.

За шесть месяцев пребывания на Кубани, т. Теттер оставила среди трудящихся женских масс неизгладимую память о себе.

Ты там всегда, где жизнь клокочет,
Где пятна крови и цветы,
Где сквозь тяжелый сумрак ночи
К заре вздыбляются мосты.
Ты—символ будущих рассветов
И таинство грядущих дней,
О, сколько пламенных поэтов
Петь будут о душе твоей!..

(Из стих. Александровского «Коммунистка»).

У ЭСЭРОВ ХУЖЕ

Тов. Баранова потомственная ярославская ткачиха.

С малых лет на фабрике.

Подрастает, все больше дум, откуда берется людская несправедливость.

А знать не знает.

Война началась, зачем?—неизвестно.

Пришел февраль.

Рабочие зашевелились.

Приходят на фабрику агитаторы от разных партий.

Рабочие вступают кто в какую. Работницы сторонятся.

Одна Баранова все хочет знать, какая же партия „самая рабочая и крестьянская“—за справедливость.

Эсэр уж больно сладко говорил. За душу брало.

Рабочие эсэры видят, что Баранова-ткачиха интересуется. Предлагают записаться—всего 50 коп. заплатить,—а жизнь станет справедливой.

Закружили Баранову эсэры, она и сама записалась и других зовет.

„И темная же я была“—вспоминает т. Баранова—„все бегала не только по фабрикам, но и в деревни ходила, мне книжечку дали, собирать членские взносы, я и предлагала: только 50 копеек, а жизнь станет справедливой, а сама не знала даже программу эсэров, а они не рассказывали, только книжечку дали“.

Все шло хорошо.

Грянул Октябрь.

Эсэры на попятную.

Тут и большевиков услыхала, приходят на фабрику, толкуют о деле, как управлять фабрикой, кто в Советы избирает, кто будет управлять — станет у власти.

Баранова ходит как в тумане, прислушивается, эсэры обманули, надо думать своей головой — кто наш брат.

В фабком ее выбрали. Там говорит как большевичка, сама того не зная.

Эсэрам книжечку и деньги собранные отдала, а к коммунистам не идет, все слушает, смотрит.

Ее и в Совет выбирают.

Полгода поработала тов. Баранова беспартийной, пока во всем сама не разобралась, тогда вступила в партию коммунистов.

Вся отдалась работе, работе сознательной, не как прежде.

У тов. Барановой проявляются большие организаторские способности.

Теперь она член Ярославского Губкома партии трех созывов, заведует Отделом Работниц Губкома.

Умению наладить дело, организовать, подыскать работников, вытащить их из самой гущи работниц, глубокому пониманию своей работы, работы всей партии, всех политических событий, прямо поражаешься.

Давно ли была другой?

ПИТЕРСКАЯ ТЕКСТИЛЬЩИЦА

Ольга Чернышева

С первого созыва Петроградского Совета и до 20 г. работала его членом от своей фабрики.

В 1917 гласным членом прошла в Александровскую Думу вместе с тов. Нахимсоном, Дербышевым.

Активное участие принимала в июльские и октябрьские дни.

В 17 г. была уже на первой конференции петроградских работниц, работала членом партийного комитета 1-го городского района, председателем фабкома своей фабрики.

При наступлении немцев в 1918 г. пошла на фронт, а за нею отправились еще 80 работниц.

Была в партизанском жел.-дорожном отряде под Нарвой.

В январе 1919 г. избрана конференцией текстильщиков в правление петроградских хлопчато-бумажных фабрик.

В правлении работала в качестве заведующей административно-хозяйственным отделом.

В мае 1919 г. мобилизуется на Дон, где работает в качестве организатора при парткоме, позднее в Киеве членом райкома, членом коллегии Губсобеса.

С занятием Киева снова в Питере, снова в правлении текстильных фабрик и, кроме того, председателем районного Ревтрибунала.

В 20 г. снова по мобилизации на Украине на партийной работе — инструктором, завженотделом Харьковской губ., членом Губкома.

Позднее членом заводоуправления 1-го государственного канатного завода.

В продолжение 2 созывов член ЦИК Украины.

В настоящее время с 5-го съезда профсоюзов член ВЦСПС, работает по вовлечению работниц в профдвижении.

О. Чернышева

Какой длинный „послужной список“.

Какая разнохарактерная работа внесена в него.

Как много преданности делу рабочего класса, неутомимой энергии скрывается за этим сухим перечнем отдельных фактов из жизни Оли Чернышевой!

— Кто она эта героиня?

Жизнь ее не так красна, как ее революционная работа.

Сама ткачиха Новой Бумаго-прядильной фабрики Петрограда. 12 лет привезли ее из деревни Речицы

Московской губернии к сестре в Питер. 12 лет она и поступила на фабрику ученицей в ткацкое отделение.

Разве, несмотря на все способности Ольги в детстве родители могли ее учить?

Отец крестьянин, некоторое время работавший на фабрике, мать ткачиха в детстве до 9 лет жившая милостыней—разве для них учение не роскошь?

А грамоте-то все же научилась, случайно; сбежала помимо воли родителей с 7 лет в школу.

Религиозным человеком росла Оля и, будучи замужем, уже в 1912 году продолжала молиться, верить в царя.

Сама жизнь толкнула ее в сторону обратную.

В 15 году убили на войне мужа, убили за то, что офицера ударил.

С 8-месячным ребенком на руках осталась Чернышева.

Грошовый заработок разве мог прокормить ее и ребенка?

Пошла искать помощи, пошла просить дочь царя—председательницу какого-то комитета выдать паек за убитого.

Не дали, сказали, что права на паек не имеет.

Не помня себя вышла из приемной царственной Ольги...

Там же не выдержала крикнула им: „что у людей дети, а у меня щенок по-вашему“.

С караульным вывели...

С этого началось...

В свои силы только стала верить Чернышева, а позднее, когда „прозрела“, как говорит она—в силу своего рабочего класса, в непобедимость общего дела.

Далеко стали уходить с каждым месяцем — царь, бог, в которых так недавно еще верила.

Поступила на вечерние курсы, бегала на них от грудного ребенка после 12-часовой работы на фабрике.

В 16 году уже вступает в нелегательный политический кружок, вскоре активно участвует в забастовке на своей фабрике.

Вот какое ее прошлое.

Суровая действительность разбила веру в бога, в царя и она же заставила ее „прозреть“ и уверовать в непобедимость рабочего класса, дочерью которого она была.

С ЯХРОМСКОЙ МАНУФАКТУРЫ

(Московской губ.)

Невольно наползает на лицо улыбка, когда услышишь ее выговор—смесь тверского с московским, с „оканьем“. Вся Яхрома говорит так, говорит так и тов. Дуня Рогожина.

Самоучкой выучилась она бегло читать и порядочно писать.

Тов. Дуня, ткачиха Яхромской фабрики Московской губ., вышла из большой и бедной крестьянской семьи. С 8 лет очутилась она уже в няньках в семье фабричного рабочего. Сама ребенок она свету не видела в хлопотах с еще меньшими ребятишками.

„Не велики господа были мои хозяева, — говорит она про себя, — такие же фабричные рабочие, какой и я стала впоследствии и обиды никогда я от них не видала, но трудов было много. Ребятишки бывало оборутся—ведь мать 12 часов на фабрике...“

А потом и сама перешла на маленькую потогонную фабрику и сама ткачихой стала. А когда стало невтерпеж от потогонной системы, перешла на большую — „все не по семи шкур дерут, а поменьше“.

В 17 году одна из первых записалась в партийную ячейку, чисто инстинктивно, ясно не сознавая цели.

В этом же году одна из первых она была избрана в фабрично-заводской комитет, где и выучилась впервые писать.

Это была одна из самых серьезных вдумчивых делегаток, одна из самых усердных практиканток и об-

щественных инструкторов социального обеспечения. Советское строительство и советскую работу Дуня изучила обстоятельно и была хорошим инструктором по советской работе. В 20 году она, уже вполне оформившаяся и сознательная, вступила в партию.

Выйдя из самых отсталых женских низов, она и посвятила себя этим низам. Своим простым языком она втолковала уже не одной работнице, что такое революция и что она дала ей.

ИВАНОВСКАЯ ТКАЧИХА

Тов. Никитина вышла из самой гущи рабочей массы иваново-вознесенских ткачей. Всю тяжесть гнета капиталиста на фабрике, помещиков в деревне, испытала она. В деревне не сладко жилось в малоземельном хозяйстве. Да и на фабрике не лучше.

В Октябрьскую революцию тов. Никитина вся ушла в работу, знала чутьем пролетарским, что нужно делать. С самого начала гражданской войны она вступила в Красную гвардию и одновременно в РКП, затем в 1919 г.—на передовые позиции.

Не мало лишений, не мало героизма, скромного, незаметного, проявила тов. Никитина. В 20-м году партия послала тов. Никитину в Саратовскую губ., в Вольск. Там ее избирают в уездный комитет партии и назначают заведующей уездным отделом работниц. Работницы любили тов. Никитину за ее простоту, умение подойти к каждой из них, за толковые деловые объяснения. Любили ее и партийные товарищи за умение работать, беззаветно и скромно. Она вся в работе, другой ее никто не видал и не представляет.

В тяжелые дни бандитизма посылают т. Никитину в Хвалынск; там она работает, как член уездного комитета партии. Во время нападения бандитов на город все ушли; тов. Никитина остается последней в комитете, чтобы спасти партийную печать и списки.

С 1921 года тов. Никитина работала в женотделах, сначала в Саратовском, затем в Центральном, разъездным инструктором и теперь в Вологодском. Здесь губернская партийная конференция, оценив ее работу, избрала тов. Никитину в губернский комитет партии. Губернский съезд Советов избрал ее делегаткой на X Всероссийский съезд Советов.

Их много...

Мы перечислили здесь несколько имен, но это лишь отдельные звенья той длинной цепи организаторов, которую выковал и выковывает рабочий класс и коммунистическая партия.

Много еще осталось звеньев в этой цепи. Перечислить их нет возможности.

Апраксина, работавшая в Бугуруслане, Самарской губернии, Зырянова — организатор далекой Сибири, Абраменко, работающая среди работниц Донской области, Афанасьева из Новочеркасска, Нестерова-Гаврилова — Московская трамвайщица, Новикова из Калуги, Сазонова организатор московских работниц, Сергеева — костромская табачница и т. д. и т. д.

Их тысячи по Р. С. Ф. С. Р., ведущих массы к новой жизни.

Г. Лелевич

ИЗ „БАЛЛАДЫ О ЗАВЕДУЮЩЕЙ ЖЕНОТДЕЛОМ“

Кругом голова. Молотки в висках—
В воспаленном рту с утра ни куска.
Ноги свинцом насквозь налились
Но вдруг прожектором острая мысль.
Дома сынок Володя—в жару.
Как он метался в жару по утру.

* * *

По разбитой панели—не ровен шаг.
Над общежитием—мокрый флаг.
По темной лестнице—вверх стрелой
В скважину ключ—и замок долой...
Мария к кровати, ребенок тих...
Все объяснил безумный миг,
И Мария впервые—на пол без спл...

* * *

А утром стоял на фабрике гам,
Подползала волынка к воротам.
И смирила неугомонный шум
Чеканною речью Мария Блюм.
На трибуне стройно стояла она,
Как смерть бесстрашна, как смерть бледна.

КРЕСТЬЯНКИ-КОММУНИСТКИ

Власть советов дала все права и крестьянке, а компартия помогает ей использовать их, вовлекая в свои ряды и делая из нее активного организатора масс.

За пять лет революции крестьянка показала, что ей не чужды не только вопросы строительства нашей советской республики, но и вопросы классовой борьбы мирового пролетариата.

Идею освобождения трудящихся от гнета капитала и мировой буржуазии крестьянка-коммунистка настойчиво несет в массы своих темных, отсталых сестер, организуя их на общественных работах по устройству яслей, школ, детских домов, всевозможных сборов в пользу голодающих детей, организуя их вокруг волостных делегатских собраний.

Разбуженная революцией и воспитанная коммунистической партией, она будоражит массы и зорко следит за тем, чтоб деревенский кулак не попрал прав, дарованных октябрем крестьянской бедноте.

К началу 1922 г. коммунистическая партия насчитывает в своих рядах 6.557 крестьянок по деревням.

Шесть с половиной тысяч маленьких молоточков, пробивающих толщу пассивного отношения труженицы деревни к общественной жизни! И эта цифра растет...

Масса колышится под ударами крепких „молоточков“.

О некоторых из них мы расскажем.

НА СТРАЖЕ

Кулаки указали:—„Вот коммунистка“. Давно точили свои волчьи зубы. Бандиты не люди, звери—схватили, в холодный амбар поволокли, а на дворе мороз. Допрос учинили:—„где еще коммунисты?“—Молчала.

Обещали золотые горы. Пытали, нагайками стегали—молчала, на ее глазах отца растерзали—ни слова.

Пытали до утра; на рассвете убили, убили молодую коммунистку—крестьянку Лею Роот.

Геройски погибла, также геройски работала.

И день и ночь она на работе.

А молодая—всего 21 год.

Она и член Исполкома своего села Новой Галки (Область немцев Поволжья) и председатель продовольственного совещания.

Продналог собирается во время; масляную, яичную разверстку бабы отдают полностью, хлеб не залеживается, быстро направляется в город. Тов. Роот сумеет организовать деловито, умело!..

Она и в ячейке коммунистов доклады читает, и собрания проводит... В самые опасные минуты она на своем посту.

Бандиты бродят кругом—т. Роот организует отряд, идет в разведку, стоит на карауле, спешно отправляет хлеб в город.

Погибла, как отважный солдат революции паша „Роза Люксембург“—так называют Лею Роот крестьяне области немцев Поволжья.

ДОБЬЕТСЯ СВОЕГО

Мавра билась, не сдавалась,
„Ну и черт же“.—„Баба-во!“
Наседала, добивалась
И добилась своего.

(Демьян Бедный).

Жизнь теперь, как река в половодье. Лезет из берегов, разливается, и бабы не похожи на баб. Под замком будто сидели, не слыхать было. А теперь,—беда сущая.

Мавра Тихонова, уже на возрасте баба, а бедовая, сметливая. С 1918 года в коммунистки записалась, работает волорганизатором в своей Даниловской волости Судогодского уезда Владимирской губернии.

На всех сходах, съездах, конференциях волости, уезда—она непременным делегатом.

А семья большая у Мавры, сама вдова-красноармейка, а ребята один одного меньше.

Землю бросать нельзя—кормиться нечем будет. Мавра собрала красноармеек-вдов, да бобылок, долго рассказывала она, как лучше жить беднякам: в одиночку или в коммуне,—порешили жить в коммуне.

Не мало трудов Мавра положила пока устроили, наладили коллективную жизнь.

И на продразверстке Мавра работает. Сама первая сдает,—смотришь и другие потянулись, а Мавра ходит по избам, рассказывает, зачем, да куда идет хлеб.

Наступил голодный 21 год, а Даниловка собрала урожай хороший, картошку, просо, лен—на все удача.

Мавра все силы положила, чтоб организовать помощь голодному Поволжью. Продналог был собран полностью; продукты, одежду для детишек собрала, в город свезла. Привезла шерсти, ситцу—раздала бабам шить, вязать. Сама первая пример показывает, сидит до поздней ночи, в посиделки девушек молодых собирает.

Беда ли где случится,—Мавра тут как тут.

Сгорела Владимирская коммуна. Мавра привезла из города воззвание. Из избы в избу ходит, рассказывает, убеждает—надо помочь.

Даниловская волость собрала 30 п. хлеба, теплые вареги и другой одежи.

Старается Мавра. Организовала вязальную артель—все легче погорельцам будет жить. Так она с утра до ночи хлопочет,—по хозяйству, за газетой, на собрании, в городе, и всякое дело спорится уней в руках, кипит...

И мужики смотрят на нее с уважением, толковая баба, да напористая, от своего не отстанет. А прежде, бывало, Мавра низко кланялась всякому богатею, боялась слово сказать, на бога уповала, за царя молилась.

А теперь уж не то.

„ЛЫДАЧАЯ" МАРИНА

„Вон отсюда, убирайтесь, вам тут не место!"—так обращается „Лыдачая "Марина к кулакам, забравшимся на собранне незаможних селян.

Каждую свободную минутку Марина — волорганизатор Мошнягской волости Балтского уезда, отдает общественной работе: то проводит собрания незаможних, то убирает театр для женской волостной конференции, то устраивает вечер для детей Донбасса.

Созывает селян, кулаки смеясь, кричат на все село:

— „Лыдачая, разве порядочная женщина пойдет в театр"?

А Марина знает—незаможние пойдут и на собранне, и на конференции и в театр, а кричит тот, кто властью бедняцкой недоволен и кто кричать на своих батраков отвыкнуть не может, а бедняк исстрадавшийся знает, что дала ему власть советская—власть незаможних.

УПОРСТВОМ ВЗЯЛА

Вот делегатка Жпздрпнского у. Брянской губ. Гусарова.

Тов. Гусарова крестьянка с. Щегры, 48 лет. В 1920 г. впервые в Щегры прнехал агитатор, созвал женское

собрание. Гусарова выступила по докладу, призвав крестьянок принять участие в общественной жизни. Крестьянки отрицательно отнеслись к „бабьей затее“.

И вот тов. Гусарова организует тайный кружок. Крестьянки вечером тайком собираются к учительнице учиться грамоте. Задавшись целью не только выучиться грамоте, но и разобраться в общественных вопросах, чтобы на общих сельских собраниях быть подготовленными и „показать мужикам“, что и „бабы“ могут разбираться в общественных делах.

Работая при волисполкоме и делегаткой в своем селе, Гусарова участвует во всех комиссиях, заседаниях сельсовета, энергично проводит в жизнь постановление комитета взаимопомощи семьям красноармейцев и одиноким женщинам при обработке земли. Сама своим примером побуждает к исполнению.

КРЕСТЬЯНКЕ

(Из стихотворения т. Быковой)

Идет к концу зима седая.
Конец безделью и тоске,
А впереди весна златая
В цветах и радостном труде.
Крестьянка! помни, что весною
Работы много предстоит.
Вооружись, готовься к бою,
Чтоб лютый голод победить.
Запомни, что мольбами к небу
Не проживет семья твоя,
Оно не даст и корки хлеба,
Коль не засеешь ты поля.

РАБОТНИЦА И КРЕСТЬЯНКА В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

„НА ЗАРЕ“

Из стих. т. Алексеевой

Надеревне собирался
Бабий сход.
И смеялся и ругался
Наш народ.
Иш ты, баба в Комитете,
Вот беда!
Вверх ногами все на свете,
Это, да!
Миром баба верховодит—
Нету драк.
Поделили мы дубочки
До вершка.
Вот и глупые бабочки
От горшка!
Знать навыворот на свете
Все идет—
Баба умную в Совете
Речь ведет.

Враги рабочего класса всюду и везде утверждали и сейчас утверждают, что рабочий класс не призван управлять государством. Русские меньшевики всегда сходились с ними в этом, обосновывая своей меньшевистской идеологией, что русский рабочий класс еще молод, чтобы взять власть в свои руки.

Но пролетарская революция не оставила и следа от ложных утверждений эксплоататоров и их лакеев— русский пролетариат и крестьянство сумели и построить и защитить свою пролетарскую власть.

Вместе с этим русский пролетариат, под руководством коммунистической партии, научился управлять государством.

Пролетарская революция подорвала также вкоренившиеся испокон веков предрассудки о женщине. Русские работницы, как и весь женский пролетариат, были наиболее эксплоатируемой частью рабочего класса. Крестьянки стонали под гнетом помещика и кулака. Безграмотность, забитость, темнота царили в их среде еще больше, чем в среде их братьев по труду—мужчин.

Но освободившая их от ига капитала и помещика, пролетарская революция возбудила в них невиданную энергию для работы в государственных органах Советской республики. Организованные коммунистической партией специальные аппараты по работе среди женщин,—женотделы указывали работницам и крестьянкам в каких отраслях советской работы они лучше могут применять свой труд.

В первую голову работницы и часть крестьянок были использованы рабоче-крестьянской инспекцией по контролю, обследованию и ревизии разных государственных учреждений. По данным Рабкрина далеко неполным за 1921 г., в этой работе принимало участие не менее 25.000 работниц и крестьянок.

Эта скромная на вид работа не так-то легка была на самом деле. Работавшим по обследованию и контролю работницам приходилось сталкиваться с большими трудностями. Но и в тех случаях, когда им приходилось рисковать даже жизнью, они не бросали работы. А что работа с риском для жизни действительно имела место, об этом рассказывали сами работницы.

Работница Козлова — контролер продмагазинов, обнаружив злоупотребления, сообщила об этом существовавшему тогда исполнительному бюро. Но разо-

блачения эти не прошли даром. Вот что она сообщает в „Правде“ от 6 июня 1920 г.

„В магазине № 10 меня даже за это постарались угостить кирпичем в голову. Но это меня не только не напугало, но придало больше силы и уверенности“.

Это, конечно, не единственный случай. Некоторым работницам-контролерам за раскрытие краж грозили убийством.

В Московской газете „Ком. Труд“ от 10 июня 1920 г. сообщается про интересный случай с работницей Герасимовой—контролером Замоскворецкого района г. Москвы. Тов. Герасимова накрыла воров. При содействии милиции удалось арестовать несколько лиц и отобрать краденое. И вот, за раскрытие кражи, оставшиеся на воле воры грозили Герасимовой убийством. Но Герасимова не трусила. На угрозы она ответила: „Наплевать мне на них, и как увижу еще раз так пощады не дам“.

Приведенные выше факты не только свидетельствуют об энергичной работе работниц в области контроля и обследования. Эти факты также показывают насколько работница тверда и непреклонна в своей решимости бороться со всяким злом, не боясь „кирпичей в голову“ и угроз убийством.

Тоже самое можно сказать и про Кобелькову (Тула), и про Будкину, Геевскую и Оконнишникову (Северо-Двинск), и про Козыреву (Вологда) и про многих других работниц и крестьянок работавших по обследованию.

Насколько велико участие работниц и крестьянок в работе советских органов можно судить по количеству делегаток, посланных на практическую советскую работу.

В Сибири в 1921 г. насчитывалось 3000 практиканток. В Царицынской губ.—4000. Одних крестьянок-практиканток, в одной только Саратовской губернии было 1000 человек. Цель практиканства состояла в том, чтобы научившись работать, практиканткн оста-

вались на постоянной работе в советских учреждениях. Надо сказать, что эта цель была достигнута, хотя не везде в одинаковой степени. В Московской губернии, например, не считая г. Москвы, в 1920 г. из 704 практиканток 41 осталась работать в качестве заместителей и заведующих отделами.

Красный Питер в том же 1920 году дал на постоянную советскую работу 733 работницы. В Калужской губ.—103. Результаты привлечения работниц к практической работе на Украине превозошли всякие ожидания: такие области, как социальное обеспечение социальное воспитание и охраны материнства и младенчества в доброй половине своего строительства дело рук работниц и крестьянок.

Тов. Чандрова

Как в области обследования и контроля, так и в других отраслях работы работницы и крестьянки работали энергично, преданно и со свойственной им пролетарской настойчивостью.

Про Московскую работницу Сорокину, заведующую домами для инвалидов, Саша Дунина рассказывает, что: „Когда бы не встречали Сорокину, она всегда куда-то спешит. На вопрос: куда она мчится? всегда получался ответ: „да, вот, насчет проса“—„да, вот, насчет ржи“. Однажды ее спросили:—„Сорокина, как поживаешь“? Она ответила“:

„Да, хорошо! Бельем запасаюсь. В продуктах по всем „богадельням“ излишек. Одно—ремонт нужен“.

Такой ответ показывает, насколько работница Сорокина поглощена заботой о своих „богадельнях“. Удовлетворение „богаделен“ всем необходимым стояло у ней всегда на первом плане, а личная жизнь—где-то на задворках.

В работе по социальному обеспечению мы имеем тысячи таких Сорокиных: Климова, Рогожина (Москва), Куркина (Ив.-Вознесенск), Комичева (Кострома) и Сурина (Саратов), Чандрова (Царицын), Романова (Саратов), Симонова (Надеждинск)...

Работницы являются очень часто не только заведующими отделами собесов, но и руководителями губсобесов, как, например, те же: Климова, Комичева и сотни других.

Охрана материнства и младенчества и строительство, социального воспитания — вопросы наиболее близкие матери—работнице и крестьянке.

Тов. Комичева

И, как к наиболее близким областям советского строительства, они проявляли невыразимую любовь к этой работе, энергию и неутомимость. В условиях гражданской войны оборудовать детские дома, ясли и дома матери и ребенка—не шутка. Но работницы и крестьянки добивались всего своей настойчивостью. И в большей степени, чем в отделах собесов, они являлись не только руководителями, но нередко и „зачинщицами“ по организации этих отделов.

Нет ни одной области советской работы, где бы работница и крестьянка не заняли бы почетного места—и в жилищных отделах, и в отделах здравоохранения, земельных, народного образования и пр.

Всюду. Даже и в деле собирания продразверстки, продналога они не отстали.

Крестьянки, например, являлись не только первыми сдатчиками, но и участниками в принятии от крестьянства продналога. Спасский уженотдел (Рязан-

ской губ.), сообщает следующее про крестьянку-делегатку Кожину:

„Кожина — при помощи крестьянок своего села — участвует в принятии от крестьянства продналога. Она дежурит постоянно на волостных складах, следя за нормальным поступлением продналога“.

В том же деле сдачи продналога проявили себя и украинские крестьянки „пятихатницы“ — исторический пример, достойный подражаний.

Но не только в работе советских органов участвуют работницы и крестьянки Они являются также самыми активными участницами в борьбе со всяким социальным злом.

Пьянство, варка самогона во многих деревнях, достигли довольно широких размеров. И крестьянки-делегатки, правда, еще не везде, стали самыми опасными врагами самогонщиков и „истребителями“ самогонных аппаратов. В центральной газете „Правда“ от 14 января 1923 года, в заметке „Женотделы Курской губ.“, сообщается следующее:

„Особенно удалась работа по привлечению крестьянок к борьбе с самогоном. При содействии крестьянок найдено 467 самогонных аппаратов и несколько сотен ведер самогона. Крестьянки, в количестве 180 человек, привлечены в нарсуды, как для участия в суде над самогонщиками, так и для судебной работы вообще“.

Наконец, нельзя не отметить и участия работниц и крестьянок в органах управления.

У нас нет еще полного отчета о последних выборах. Но и имеющиеся на лицо цифры говорят о многом.

В Кубано-Черноморской области прошло 400 крестьянок и работниц в советы; в Екатеринбургской губ. 239. В Туркестанской Республике—550, Донбассе—506, Подолии—350, Харьковской губ.—900.

В городах работницы составляют внушительное количество депутатов горсоветов. В Брянский горсовет

прошло 30 работниц, во Владимирской губ.—40, а в Питерский горсовет—271 работница, что составляет 20% всех депутатов Питерского-горсовета, в Московский—315.

Работницы и крестьянки являются также членами высших органов — ЦИК Советских Республик. Членами и кандидатами ВЦИК РСФСР 10-го созыва, — Икрянистова (Труба), Калыгина, Тормосова и др.

Даже в таких республиках, как Киргизия и Башкирия, где женщины были настоящими рабынями, в ЦИК этих республик имеются женщины.

Не одна сознательная городская работница, но и отсталая „деревенская баба“ с каждым днем все больше и больше проявляет интерес к деятельности советов. В журнале „Коммунистическая Революция“ (орг. ЦК РКП) № 1 (40) тов. Ингулов говорит:

„Втянулась в политическую жизнь и „деревенская баба“. Почти все сводки о ходе выборов в сельсоветы и волисполкомы показывают увеличение количества вошедших в советы женщин“.

И дальше там же:

„Женщины выступают на съездах, критикуют, одобряют, вносят свои предположения. На выборы шли с грудными детьми на руках“.

Эта выдержка ясно говорит о пробуждении к активной деятельности бывшей „рабы божьей, мужней и помещичьей“.

И отрадно отметить, что в деревнях все больше и больше крестьянки занимают командные посты в Советах. Крестьянка—председатель сельсовета и даже волисполкома уже перестала почти быть исключением.

Крестьянки на этих постах справляются не хуже, а часто и лучше, чем председатели мужчины. Во многих деревнях крестьяне прямо заявляют: „нужно баб избирать в советы. Ирп них больше правды“.

Вот маленькая картинка из жизни Советской деревни нашего времени, она взята из рассказа

пролетарского писателя Неверова „Марья-большевичка“.

„Стали мы совет перебирать. Баб налетело, словно на ярмарку. Мы это шумим, толкуем, слышим Марьино имя кричат:

— Марью! Марью Гришагину!

Кто-то и скажи из нас нарочно:

Просим!

Думали, в шутку выходи, хвать в серьез дело пошло. Бабы, как галки, клюют мужиков: вдовы разные, солдатки— целая туча. А народ у нас не охотник на должности становиться...—взяли да махнули рукой. Марья, так Марья. Пускай обожгется...

Стали Марьины голоса считать—двести пятнадцать! Комисар! Василий Иваныч речью поздравляет ее. Ну, говорит, Марья Федоровна, вы у нас первая женщина в совете крестьянских депутатов. Послужите. Я, говорит, поздравляю вас с этим званием от имени Советской Республики и надеюсь, что вы будете держать интересы рабочего пролетариата...

Глаза у Марьи большие стали, щеки румянцем покрылись. Не улыбнется—стоит. Я, говорит, послужу, товарищи. Не обессудьте, если не сумею—помогите.

Козонок *) в это время сильно расстроился. Главное, непонятно ему: смеются над ним или почет оказывают. Пришел домой, думает. „Как теперь говорить с ней? Должностное лицо“. Нам тоже чудно! Игра какая-то происходит. Баба и вдруг—в волостном совете дела наши будет решать... Ругаться начали мы между себя:

Дураки! Разве можно бабу сажать на такую должность...

Дедушка Назаров так прямо и сказал Марье в глаза:

— Ой, Марья, не в те ворота пошла.

— Она только головой мотнула:

— Меня мир выбрал—не сама иду.

Приходим после в совет поглядеть на нее—не узнаешь. Стол поставила, чернильницу, два карандаша—синий и красный, около—секретарь с бумагами строчится. А она и голос, проклятая, другой сделала. Так и ширяет глазами по строчкам. „Это,—говорит — по продовольственному вопросу, товарищ Еремеев?“

— Угу.

---

*) Муж Марьи.

Разведет фамилию на бумаге и опять, как начальник какой:

— Списки готовы у вас? Поскорее кончайте!

Глазам не верим мы. Вот тебе и Марья! Хот бы покраснела разок... Так и кроет нас всех „товарищами“.

И эти картинки все чаще и чаще встречаются в русской деревне и начинают вытеснять те прошлые и жуткие, в которых Марьи Гришагины фигурировали, как бессловесные рабыни, как чернорабочая сила в крестьянском хозяйстве.

А теперь мы видим, что вчерашние рабыни занимают командные посты, пройдя предварительно курс практикантки-делегатки.

Ни в одной демократически-буржуазной стране мы этого не видим. Только пролетарская революция дала возможность работницам и крестьянкам России проявить свои способности в строительстве новой социалистической жизни и про русскую пролетарку мы смело можем сказать словами нашей поэтессы тов. Быковой:

И кто ж безумный скажет ныне,
Что женщина когда-нибудь
Вновь будет жалкою рабыней.

ЧЛЕН ВОЛИСПОЛКОМА

Потапова—крестьянка села Подбужея, Брянской губ. Высокая, плотная, в национальном костюме—вышитых рукавах, бусах, кичке на голове, Потапова в свои 40 лет „молодец баба“.

„Во всяком деле мужика за пояс заткнет“ — говорят о ней, кто ее знает.

По характеру твердая, настойчивая. „Скажет, стукнет кулаком, своего добьется“. Знают ее все крестьяне Ловутинской, да и соседних волостей.

Выбирают крестьянки Потапову на все конференции. И всегда Потапова в президиуме конференций и съездов.

Умеет Потапова разъяснить своей сестре-крестьянке, ответить на все ее вопросы, рассеять ее сомнения.

Потапова любит прибавлять к своим словам выражение—„мы женщины, дошедшие до РЕКЕПА“ (так она называет коммунистическую партию.)

С этих слов обычно Потапова и начинает каждую свою речь, хотя сама она не коммунистка.

Для Потаповой РКП это та конечная, высшая, беспристрастная, справедливая инстанция, куда она обращется со всеми вопросами своей работы. А работает Потапова вот уже более 2 лет в своем волисполкоме. Пошла работать в качестве практикантки, а теперь более года уже членом исполкома. На работе своей, будучи делегаткой, Потапова и грамоте выучилась.

Умеет работать Потапова, знает свое дело и больше всего несправедливостей не терпит. „По закону нужно“—говорит всегда Потапова и в поисках справедливого разрешения всякого дела она ни перед чем не останавливается.

Пришлось ей работать в исполкоме кулацкого состава. Некоторые члены исполкома вздумали имущество сиротское присвоить.

Потапова решила этого не допускать и добилась того, что этих членов под суд отдали.

„А коли вы так—пойду в РЕКЕПА“—говорит Потапова, когда иное дело у ней в волости не выходит. И она идет в Уком или в Уженотдел. Идет пешком от своего села за 30 верст.

Люди, у которых совесть не чиста побаиваются Потапову, а исполком и честные крестьяне уважают. „Ни одно дело без Потаповой в исполкоме не решается“—говорят сами члены исполкома. А крестьяне обращаются к Потаповой за всякими советами, тем более, что и работает-то она по вопросу, особенно деревне близкому,—земельному (в волземотделе.)

Много поработала Потапова и в помощь голодающим, по сборам, по отправкам семян и пр.

Она всюду и везде первая.

ВЕРА ГОЛОСНАЯ

Родилась Вера Голосная на Донбассе, в слободе Екатериновке. С тринадцати лет работала у помещика. Это была не работа, а каторга. Выйдя замуж, она от мужа узнала о необходимости борьбы с самодержавием и капиталом.

Долго ждала Вера свободы...

Пришла февральская революция...

„Вот она свобода-то“! думала Вера.

Появились на заводе партии. На большевиков и меньшевиков раскололись. Спорили все между собою. Но Вера про себя думала: „и свободу получили и революция пришла, а хозяева все те же остались“.

Принес муж листовки и говорит Вере: „работать нужно—бери листовки и пронеси в завод работницам“.

С того времени начала Вера носить на завод листовки.

В 1918 году муж Веры ушел с большевиками, а она с тремя детьми осталась. Нашли у нее листовки, арестовали, до марта 1919 г. просидела. Квартира была разграблена, пришлось уехать в Екатериновскую волость. Тут было несколько коммунистов, ведших подпольную работу в селе. Здесь и вступила Вера в компартию.

Стала помогать, а потом и руководить партийной работой.

Сагитировала крестьян села не итти в деникинскую армию. 30 человек крестьян перешли ночью к большевикам. Деникинцы узнали это и стали искать агитаторов. Нашли. Вера была арестована, но случайно легко отделалась, просидев всего неделю, потом выпустили под надзор.

В 1920 году возвратились большевики. Организовался Ревком. Стала Вера работать в военкомате помощником военного комиссара. Но не только эту работу она исполняла. Она активно участвовала в жизни

своей волости: была членом волисполкома, райисполкома и в тоже время начала работать среди крестьянок. Любили ее в волости.

В 1920 году Вера захотела пойти в Таганрог на курсы политграмоты учится—не хотели отпустить. Но Вера настояла.

Сдала детей родственнице и поехала.

По окончании курсов, Таганрогский Упартком мобилизовал ее для женотдела.

Пролетариат Таганрога ценит Веру, выбрав ее в Уездный и губернский Исполкомы и на Всероссийский Съезд Советов.

Вера является также и членом Всеукраинского Исполнительного Комитета Советов (ВУЦИК).

КОСТРОМСКИЕ ТЕКСТИЛЬЩИЦЫ

Вот Вера Ивановна Пасхина — потомственная почетная ткачиха—Кашинской мануфактуры, с 12 лет на фабрике, 20 лет у станка.

Член РКП с 1917 года.

Постоянный член фабкома с 17—19 гг. в 19 г.—его секретарь.

Открываются фронты т. Пасхина на курсах красных сестер—два года на северном и западном фронтах, в Вятке политруком.

Фронты кончились — опять в родной Костроме инструктор Губпрофсовета по работе среди женщин.

Последняя губернская конференция текстилей избирает т. Пасхину членом своего Правления, которое ей поручает заведывать организационным отделом.

Постоянный член Костромского Совета.

Член X съезда Советов. Всегда скромная, застенчивая, о себе говорить не любит, работает толково, дельно.

Вот Низковская, Карманова, Руспина, Подлипаева [1]), Репина, Колесова, Морозова, А. и целый ряд других.

Да немало их выдвинулось на общественной работе, как строителей новой жизни—стойких, энергичных, чутких...

А. Дорогойченко

ДОЧЬ ОКТЯБРЯ

(Делегатка)

С завязанными глазами—
Со счастьем в прятки,
И была игра та жуткою.
И—вдруг: ты кожаною курткою
Обтянутая делегатка.
И их,
Чудаки:
«О Прекрасной Даме»
Древние поэты грезили.
Товарищ!
Вот ты—земляная такая,
А сколько в тебе поэзии!
И столько—стари...
Все прошлое встает за спиной,
Горбом меж лопаток врастает.
Ведь повесть твоя простая:
Муж,—он портной
Или шорник.
Наверняк, здоровенный пьяница,
Жизнь—что суббота, что вторник—
Постоянная пятница,
Муж и дети—
Дети, муж...

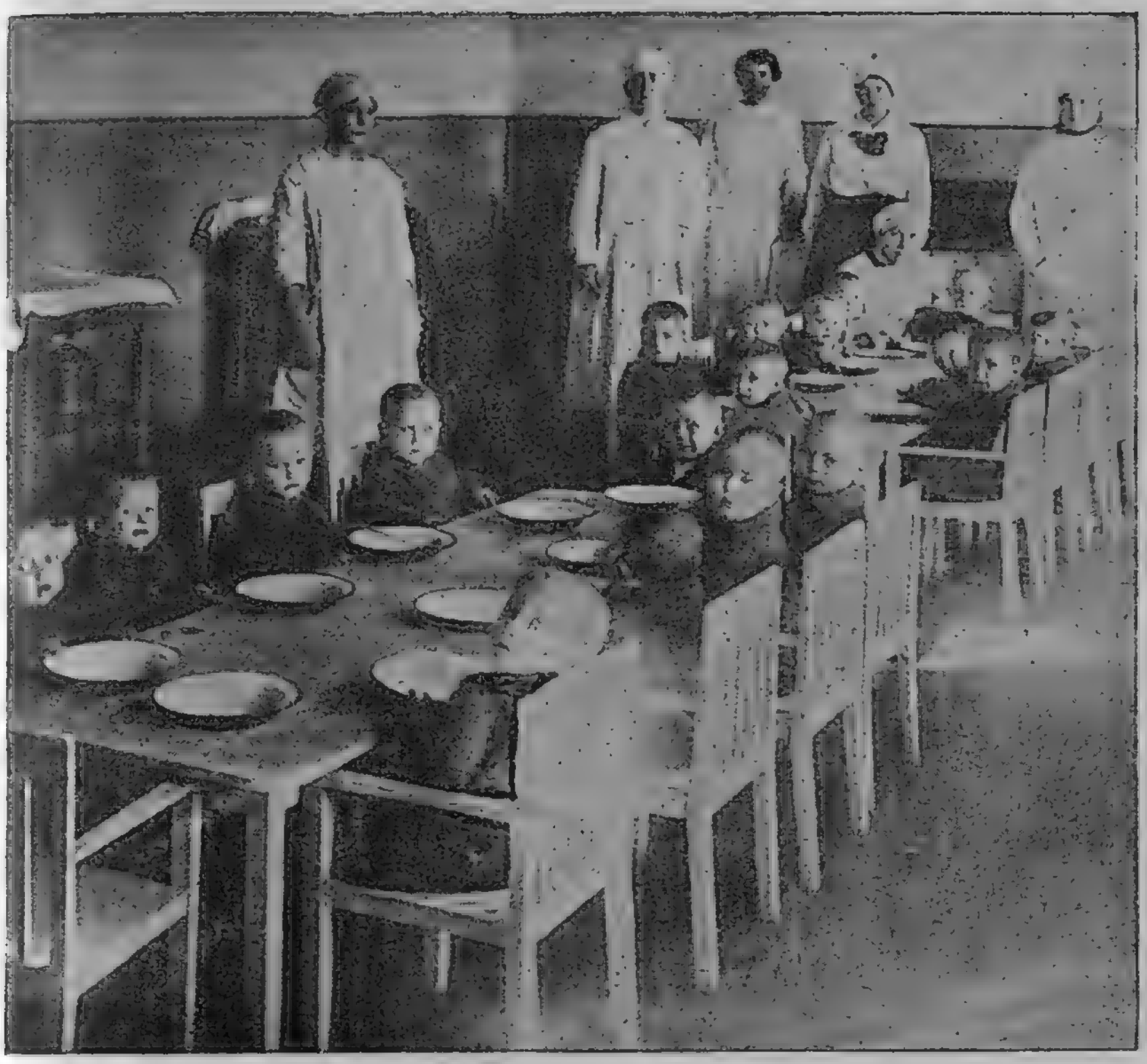
[1]) См. стр. 16 „В подполье".

Жизнью сжатая—как уж
Железными вилами—
Жила ты с немилыми,
И—ни гу-гу.
Ах, давно ль, давно то время?
Ровно пленница в гареме—
В заколдованном кругу:
Дети, муж—
Да муж и дети...
Два эти слова—
В книге былого,
И не стереть, не стереть их!
А в них: и тьма и глушь.
Они—петля на горло,
А в той петле—ты тля.
Петля мозоль натерла,
Но... оборвалась петля.
И вот—
Жизни болотной былой,
Жизни котел закипел—
Закрутил-осветил твою голову.
Поверху новое слово всплыло,
То слово—
Что утром солнце пунцовое—
Тяжелое слово—олово:
ЭРКАПЕ.

РАБОТНИЦЫ ЯСЛЕЙ И ДЕТСКИХ ДОМОВ

Октябрьская революция вызвала к активной жизни десятки тысяч работниц и крестьянок. Эти десятки тысяч не совершили крупных подвигов. Но своей энергичной работой, работой до изнеможения, они помогали строить новую жизнь. Они претворяли в действительность лозунги Великого Октября.

Работа по устройству яслей, детских домов... Дома матери и ребенка.... Какой незначительной эта



Детские ясли при фабрике.

работа может показаться многим, по сравнению с подвигами на фронте. А вместе с тем работницы и крестьянки творили прямо чудеса в этой области. Вспомним когда, в каких условиях и кем эта работа делалась. Пусть об этом скажет сама работница. Вот, например работница Тюмина фабрики Коновалова в своей автобиографии, присланной в Центральный Отдел при ЦКРКП, пишет:

„Отец мой был кучером, мать—прачкой. С 9-ти лет я пошла в няни, а потом на фабрику. После Октябрьской революции я была избрана делегаткой в подотдел охраны детства. Но работать было очень трудно, так как я была малограмотна—это одно, а

другое то, что учителя и им подобные не хотели с нами—работницами даже разговаривать. Приходилось все брать с бою, и мы достигли того, что с нами они стали считаться".

Но малограмотность и саботаж „учителей и им подобным"—ничто по сравнению с другими трудностями. Ведь зачастую приходилось начинать с подыскания помещений, продовольствия, мебели, одежды и проч.

Нужно было сломить косность и несознательность крестьянок, а иногда даже и заведующих отделами советских учреждений.

Об этих трудностях прекрасно повествует в своей автобиографии Кинешемская работница К. Частухина. Вот что она говорит.

„Были такие случаи. Когда я сидела с крестьянками и говорила о значении яслей, одна крестьянка взяла меня за руку и повела в хлев, где у нее стояли ясли для скота".

„Даже заведующий тем или иным отделом продолжает та же Частухина—вставал в тупик: „для чего это надо организовать дом ребенка, да еще матерей туда же насадить".

Но Частухина не падала духом. Своими силами, одна, она организовала 9 яслей и несколько домов „Матери и ребенка". А ведь это было в 1920 году—во время войны с Польшей, когда все внимание было обращено на фронт. Остальные области хозяйства и строительства почти целиком были заброшены. Нужно было, действительно, обладать большой настойчивостью и энергией, чтобы сделать что-нибудь в улучшении быта. И Частухина проявила эту настойчивость и энергию.

Тюмина и Частухина не первые и не последние. За ними идет еще целая армия незаметных героинь в деле спасения детей, улучшения положения матерей, жен красноармейцев.

Тов. Царева

Вот еще одна Екатеринбургская работница Ширкина-Кузьмина. Ей уже под пятьдесят. Училась она всего 3 дня в своей жизни. Пролетарская революция возбудила в ней сильную энергию и волю. В 1918 году крестьянки села Лобвы окрестили ее именем „царь-баба“. Это за ее „всемогущество“ и „всесущность“. И она заслужила это название. Ширкина всегда сама, засучив рукава, наводила порядок и чистоту в яслях и детдомах. Организовав ясли в селах Лобве и Коптянке (Оренб. губ.), Ширкиной-Кузьминой не пришлось здесь долго поработать. Видя ее способности и энергию, уженотдел перебрасывает ее из одного детдома в другой. Туда, где дела обстоят плохо—посылают Ширкину. И она справляется. Свою работу в яслях и детдомах Ширкина

Тов. Постнова

исполняет на ряду с десятками других обязанностей.

Тверская мануфактура тоже не отстала, выдвинув энергичную Петушкову. Научилась она грамоте, только будучи уже делегаткой. Пошла работать Петушкова по яслям и детдомам. Особенно отдалась этому делу в голодные 21—22 годы. Работа у нее всегда кипит. Дети зовут ее матерью. И она действительно заменяет им мать. Привезли де-

Тов. Прохорова

тей с Поволжья еле живых, а теперь румянец покрывает их щечки.

Таких Петушковых, Ширкиных и Частухиных по России очень много. Есть и такие работницы, которые не только ставили работу в том или ином детдоме, но и руководили работой целой сети детдомов в уезде, а иногда и в губернии.

Бывшая прачка Царева (Рыбинск) заведывала городским отделом охраны мстеринства и младенчества. Старая Ярославская работница Постнова заведывала подотделом защиты детей в губернском масштабе. Кострома дала Прохорову, Тамбов—Лизунову и Есипову, Рязань Белоусову, Саратов—Акимову, Брянск—Гусарову и Потапову, для которых детдом и ясли—их родная семья.

Нет ни одного города, который не выдвинул—бы своей „царь-бабы“ и „героя-бабы“.

Делегатские собрания, которые выдвинули их на широкую дорогу общественной работы, раскрыли им глаза на многое. Здесь они услышали о возможности лучшего устройства жизни при власти пролетариата. И они ринулись в работу как герои-красноармейцы в бой.

Своей самоотверженной работой в детских домах и яслях они не только строили новый общественный быт, не только улучшали положение работниц и крестьянки, но тем же самым помогали победить врагов революции. Красноармеец зная, что его дети не умирают с голоду, не валяются на улице, бодро и уверенно шел в бой. И в этом большая заслуга работниц и крестьянок—работников в области охраны материнства и детства.

ОТ ДЕЛЕГАТКИ К ОТВЕТСТВЕННОЙ РАБОТЕ

„Маша Сибирячевой сейчас 53 года. 7 лет она оспротела. Пошла в няни к господам: не жизнь, а каторга! С 14 лет пошла на суконную фабрику. И там

не легче: приходилось таскать большие ноши шерсти. Однажды под тяжелой ношей Маша упала и сломала себе руку. Как водилось в те времена, на фабрике ее рассчитали и помощи никакой не оказали. Снова начались поиски заработка, скитания, голод.

Вышла Маша замуж за рабочего. Но беда ее не оставляла. Наступил голодный год. Безработица. Опять поиски работы. Исколесила Маша с мужем всю Сибирь. Больной чахоткой муж умер. Промыкалась Маша полтора года и вторично вышла замуж. Но беда как по пятам ходила: муж пьянствовал, драться лез. Пришлось Маше воспитывать его пять детей, защищать их от побоев пьяного родителя.

Мужа алкоголизм съел. Маша впустила квартиранта Сибирячева—политически-ссыльного, за которого и вышла замуж. Маша от него узнала про борьбу рабочего класса, что все беды от капиталистического строя—стала она помогать мужу в политической работе.

Скиталась Маша с мужем, так как его всегда преследовала полиция.

Так дожила Маша до революции. Сначала в Таганроге, а потом в Екатеринбурге Маша нагляделась на зверства белогвардейцев против большевиков. В 1919 году, после прихода Красной армии в Екатеринбург, Маша вступила в партию. Была избрана делегаткой и пошла Маша работать. Трудное дело досталось Маше—наладить дом деффективных девочек. Помещение было грязное, окна выбиты, белья почти никакого не было. Везде, как говорится, мерзость и запустение. Тут Маша себя и показала. Шила Маша по ночам, стирала, сама все почти делала.

Молодые преступницы грозились Машу убить. Старой ведьмой называли. Но Маша все терпела, не теряла надежды на их исправление. Своими ласками Маша добилась того, что девочки стали относиться к ней лучше. Маша втянула их в хозяйственную работу. Открыла Маша в доме швейную мастерскую, завела образцовое хозяйство, где работали девочки-преступ-

ницы. Плоды ее работы сказались: из „старой ведьмы“ Маша превратилась в „Тетю Машу“.

Группа выпускаемых девочек преподнесла Маше благодарственный адрес. Одна из выпускаемых, приветствовав Машу, сказала:

„Не хочется уходить, жалко оставить колонию, хочется всю нашу любовь и благодарность тете Мане высказать, ведь благодаря ей мы стали людьми“.

Из маленьких зверьков Маша превратила их в честных тружениц. Это достигнуто большой энергией и риском для жизни.

Маша вполне заслужила названия „дочери Революции“, как говорит о ней Екатеринбургский отд. работниц.

ДОРА НАГОРНАЯ

Тов. Нагорная

Она одна из тех, кого выдвинула. Октябрьская революция, после которой тов. Нагорная окунулась в работу.

„Все закружилось, — пишет она,—закрутилась в работе и я. Да и нельзя было иначе. Ведь сбылось так долгожданное. С некоторыми товарищами мы задумали открыть библиотечку на поселке Качановке для просвещения темной массы. Задумали — сделали“.

Нагорная рвалась к живому коммунистическому слову. Будучи домашней прачкой она не могла попасть в качестве делегатки на конференцию. И когда ее родственница Наталья была избрана делегаткой, Нагорная, чтобы пройти на конференцию, пустилась на хитрость:

„Пойдешь в залу,—говорю ей,—возьмешь у какой-нибудь знакомой женщины мандат, вынесешь и вот я по нем пройду“. Думала я,—рассказывает Нагорная, что преступление сделаю, но сдержаться не смогла.

Как было сказано, так и сделано. Побывала я и на конференции, а потом дня два сама не своя ходила. К работе рвалась".

Мечта Нагорной сбылась—она была избрана делегаткой от села Колчановки.

„Слушая речи докладчиков, думать стала: ведь работа делегаток не только собрания посещать, надо что-то делать и у себя в Колчановке полезное. Подговаривала и других делегаток открыть в Колчановке столовую, детскую школу, детскую площадку и детский клуб. Все делегатки, за исключением одной, отказались помогать. Взялись мы вдвоем с тов. Кришц за работу. Завертелось у нас дело. Не прошло и полгода, как все задуманное было сделано. Сколько побегать по всем учреждениям пришлось. А в то время все эти учреждения были напиханы барышнями с завитушками, от которых толку добиться нельзя почти. Все перебороли, а дело сделали. Еще и районную аптечку заложили. В перевыборах московского совета выбрали и меня членом. Сначала пугалась—думала, что полуграмотная, не гожусь. А потом поняла, что и я, полуграмотная работница, могу работать. Ходила на заседания секции, исполняла все постановления. В 22 году меня опять избрали членом горсовета. Так я и работала. А по воскресеньям—«воскресники» устраивала. Детские дома обшивали и обмывали. Когда в 22 году окончилась организационная работа в Колчановке, женотдел командировал меня в детский дом, детей погибших коммунистов, имени тов. Артема. Там я работаю и сейчас. В дружной семье детей я нашла большую радость. Им—нашим детям—я буду служить до конца своей жизни".

В 21 году Нагорная вступила в коммунистическую партию. В приписке к автобиографии, сделанной тов. Филатовой? говорится:

„Она, Нагорная, работает по 16 часов в детском доме, отдает детям все свои силы, весь свой глубокий и крепкий ум. Дети—артемовцы—любят свою тетю Дору. Честь и слава героине-труда—тете Нагорной".

АГРИППИНА ТОМАСОВА

С 10 лет до 19 Томасова тянула унизительную лямку прислуги у петроградских барынь.

На зарождавшиеся в ее голове вопросы о неравенстве всех людей Томасова получала от бати ответ: „молиться надо, и на том свете тебя господь-бог вознаградит“. Но правду она узнала от своего мужа-моряка.

В 1916 году Томасова овдовела. Осталось 3 детей. Пошла работать на артиллерийский склад. Здесь она познакомилась с рабочими-большевиками и втянулась в революционную работу. В июльские дни Томасова участвовала в мирной демонстрации. Агитировала среди работниц артсклада. В дни Октябрьской революции Томасова дежурила на артскладе, выдавала оружие рабочим и матросам.

Грохот пушек и свист пуль не испугали Томасову, и она стойко стояла на своем посту.

В 1918 году Томасова вступила в партию. Работала в жилотделе Петроградского Совета. В конце 1919 года Томасова попала в Наробраз Петррайона. На работе по постановке дела в детских домах, Томасова себя проявила энергичной и работоспособной пролетаркой.

Главное—для нее все дети—и свои и чужие—были равны. Когда ее дети болели, она не оставляла своей работы.

Это оценено всеми нами, работницами-матерями.

В тяжелый 1919 год она очень много сделала для спасения детей.

Томасова—одна из тех, кто силен духом, кто тверд волей, кто выкован самим Октябрем.

Такие женщины труженицы достойны названия „Дочери Революции“.

Побольше таких Томасовых! А Агриппину Тимофеевну, мы хотим еще долго видеть в своих рядах такой же энергичной и бодрой.

Так пишут нам о Томасовой, работницы Петррайона и гор. Петрограда.

Работница Ксения Быкова.

ВЕСЕННЕЕ

Весна... сквозь холодные стекла окон.
Прорезался луч согревающий,
Потоками мутными снег разнесен,
И воздух и свет опьяняющий...

* * *

Так тянет на улицу, за город, в поле,
Так хочется, песен, веселья, цветов...
Так радостно жить и работать на воле
И видеть бессилье сраженных врагов...

* * *

Не все ли равно, что в руках твоих молот,
Иль заступ тяжелый, иль плуг иль топор?
Работайте, сестры, кто силен и молод,—
Для вас это солнце и жизнь и простор!

* * *

Мы скоро забудем тоску и ненастья,
И горе и слезы прошедших годов;
Мы выкуем дни бесконечного счастья,
Дни, полные радости, песен, цветов!

Не мы вдохновители лени,
Не мы дезертиры труда.
Мы—матери красных героев,
Мы—сестры отважных бо цов.
Мы новое здание построим
пепле позорных дворцов.

В БОРЬБЕ С РАЗРУХОЙ

СОЛДАТЫ ТЫЛА

Фронт империалистическо войны 1914 года, а за ним фронт гражданской—поглотили большую часть мужской рабочей силы. В виду этого женщине,—работнице и крестьянке, пришлось занять преобладающее положение в тылу, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Нечего уже говорить о текстильном, табачном и швейном производстве, которые и до войны женщин имели больше, чем мужчин, а за время войны процент женщин в них перешел за пятьдесят (текстиль 58%, табачное и швейное около 75%), но даже такие отрасли промышленности, как металлообрабатывающая, горная, стекольная и др., в которых женщин было всегда единицы и десятки—в этих производствах процент женщин возрос неимоверно:

Металлообрабатывающая	24,7%
Горная	18%
Стекольная	39,8%

В сельском же хозяйстве мы видим все возрастающее количество крестьянских хозяйств без мужской силы.

Таким образом параллельно с кровавым фронтом, где красные герои с невероятным мужеством защищали интересы трудящихся, работницы и крестьянки с неменьшим мужеством несли на своих плечах всю хозяйственную работу в тылу.

Лозунги: „фронт силен тылом“ и „все для фронта“ был осознан ими.

И мы видим их у станка, подчас на самой тяжелой работе, мы видим их вырабатывающими три-четыре нормы вместо одной, видим их за плугом и бороной в поле, выполняющими трудовую повинность по доставке дров к железным дорогам.

Они всюду, на всякой работе, самоотверженно выполняют свой долг перед освободившей их Революцией.

Молодые, старые...

Не взирая часто на все трудности, которые возлагало на них материнство и домашние заботы, они как верные дочери революции, отдавали свою силу и энергию на поддержку фронта, Красной армии, на заботу о красноармейских семьях, не покидая в то же время станка, плуга и сохи.

И мы видим их на „субботниках“ и „воскресниках“, с энтузиазмом бескорыстно отдающих свой труд.

Приводимые здесь цифры говорят о количестве субботничающих женщин за период 1918—21 год:

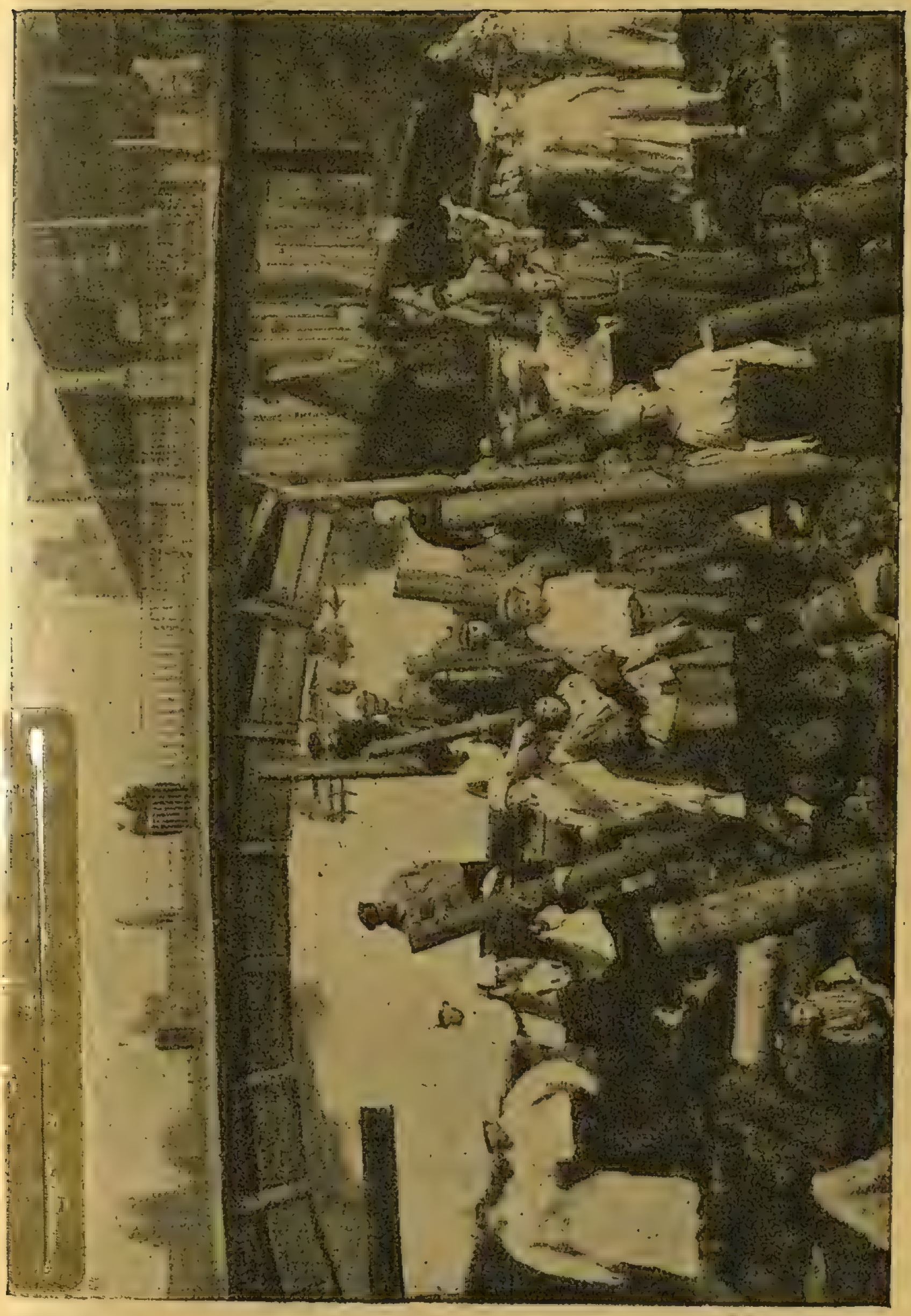
Ярославская губ.	7.000
Псковская „	13.000
Ив.-Вознесенская губ.	32.808
Самарская губ.	39.945

О Москве и Петрограде говорить не приходится. Там эти цифры выражаются в сотнях тысяч.

Руками работниц пошито сотни тысяч белья для красных защитников, обследованы красноармейские семьи, оказана помощь по разгрузке и приему в госпиталя раненых и больных товарищей.

Вот что пишут нам из Читы:

„На призыв ЦК Помфронту, притти на помощь в борьбе с эпидемией, откликнулись ор анизованные женщины-работницы.



„Субботник"—разгрузка баржи с дровами.

Кроме сбора продуктов по всем районам, идет сбор лука, чеснока, черемши (для цынготных больных). Зелень, дабы не могла портиться, засаливается и сдается под расписки военкомам, завхозам в госпитали. Спасти жизнь бойца возможно хорошим уходом, с этой целью работницы установили недельное дежурство в госпиталях. В военном госпитале дежурит шесть человек.

Работницы ухаживают за больными, моют помещение, приводят все в надлежащий больницам вид.

Не боится работница бывать и в заразных отделениях, там также ее рука, ее ласковое слово".

И так повсюду, так везде...

УМОЛК ГУЛ ОРУДИЙ...

Над необъятной российской равниной, наконец, воцарился мир, — мир, завоеванный кровью и неслыханными страданиями рабочих и крестьян.

Не отдохнувши после кровавых битв с бандами Деникина и Врангеля, титан-победитель, сменив винтовку на плуг, выходит на новую битву, не менее отчаянную и не менее геройскую, — на битву с разрухой, нищетой, с костлявым голодом...

И в этой борьбе не отстает работница и крестьянка. Плечом к плечу, нога в ногу идут они со своими отцами, мужьями и братьями, идут дружно, сплоченно...

И из целого ряда неутомимых строителей хозяйства мы берем для примера несколько.

Горюнова, Матрена, работница стекольной фабрики Мальцевского округа, Брянской губ. За свой малый рост, юркие темные глаза и темные волосы прозвана „Черничкой". Под именем „Чернички" знают Горюнову не только в своем округе, но далеко за его пределами. Знают все, кому приводилось бывать на районных, уездных, губернских съездах работниц и крестьянок.

„Черничка“ на каждом из них—непременная делегатка, активный участник. И не только на эти съезды „Черничку“ охотно выбирает фабрика (1300 человек). На свои съезды стекольщиков „Черничка“ была избираема даже в президиум съезда.

Маленькая, юркая „Черничка“ никогда не знает покоя. Только от станка,—а глядишь уже на собрании, в комиссии, в детском доме, в завкоме.

На съездах, собраниях „Черничка“ всегда выступает. Болеет душа за всякое дело, а больше всего за своих товарок-работниц.

— Бабы, бабы, что же вы не голосуете,—волнуется всякий раз „Черничка“, пробивая толщу пассивного отношения работниц к вопросам своего предприятия.

Любят „Черничку“ работницы и сами говорят о ней:

— Куда „Черничка“ скажет — туда и пойдем, за ого скажет — того и выберем.

Знают работницы, что плохого не посоветует им „Черничка“, правду выложит, как бы она горька ни была. И говорит „Черничка“, действительно, как рубит, не стесняясь.

Пришлось ей еще в первые годы революции работать в комиссии по проверке детских домов и лазаретов. Видит „Черничка“ непорядки, так, не стесняясь — будь то доктор или воспитательница — правду им в глаза режет.

— Что за детьми-то не смотрите! За что вам деньги-то народные платят?

На заводе „Черничка“ работает 14 лет, поступила еще 13-летней девчонкой.

Работает у станка. Работник она квалифицированный—шлифовщица. В работе „Черничка“ никому не уступит. При раздаче премий всегда попадает в число премируемых. Рабочие иной раз и посмеиваются над ней:

— Куда девать будешь, одной обуви никак раз семь получала в премию.

„Черничка“ только смеется. Не за премией гонится — работа сама собой так и кипит в руках.

Так уж за 14 лет привыкла быстро да ловко справляться.

И не только на фабрике, но ко всякой работе „Черничка“ относится добросовестно, болеет за всякое порученное ей дело.

Бывало, версты за 4, несмотря на трескучие морозы в 20° градусов, прибежит на собрание делегаток. Придет первая да и остальных делегаток своего поселка приведет с собой.

Устанет, замерзнет, бывало, на работе, а никогда на усталость не пожалуется. Заметит ей кто, чтобы побереглась, а она только засмеется, да скажет:

— И умру! Вы только не забудьте на меня шлифовальный станок положить.

А вот Марфа Евдокимовна Терезова. Тоже брянская работница. Ей 48 лет. С 8 лет она уже на текстильной фабрике. 40 лет тяжелого труда.

С первых же дней февральской революции Терезова вступает на революционный путь и принимает участие в революции. Она первая из работниц города Трубчевска (Брянск. губ.) входит в Совет Рабочих Депутатов, стойко отстаивает восьмичасовой рабочий день.

Осенью семнадцатого года она во фракции большевиков, и вместе с ними борется за власть советов.

Ей, как пожилой, верит рабочая масса и идет за ней. Ее выбирают в фабзавком, где на ее плечи ложится кропотливая работа по устройству новых порядков на фабрике.

В июле 1919 г. в Трубчевске вспыхивает восстание на религиозной почве. Темные массы, поднятые монахами и попами, избили тов. Терезову, когда она хотела успокоить восставших.

Но все это — лишь несколько ярких моментов из жизни тов. Терезовой.

Она была первым инициатором по поднятию текстильного производства в Трубчевске и одна из первых пошла к станку (будучи членом завкома) и повысила норму выработки. Ее примеру последовала вся фабрика.

Таких Горюновых и Терезовых имеет каждая фабрика, каждое предприятие.

Не мало их—воодушевляющих, никогда не падающих духом!

А. Шаталова

ЖЕНЩИНЕ-ТВОРЦУ

Женщины фабрик, полей и заводов,
Сестры родные, рабыни нужды,
Дружно сплотимся для общего дела,
Тесно сомкнемся для битвы в ряды...

Нас миллионы, могучих и смелых,
С пламенем в сердце и сталью в руках.
Грудью вперед за родное нам дело,
Свору врагов мы развеем во прах.

Враг наш—костлявая ведьма-разруха,
Зубы оскалила, смертью грозит...
О, не боимся тебя мы, старуха:
Молодость плещет и кровь в нас горит.

Косы звените, гремите ж заводы.
Гулом труда мы весь мир потрясем...
Прочь, паразиты... Мы царство свободы,
Светлое царство Труда создаем...

У СТАНКА И В УПРАВЛЕНИИ

А сколько героинь труда чествовала каждая фабрика, каждая мастерская. Сколько было их отмечено на страницах „Правды".

Мы отметим здесь одну — харьковскую работницу Ткачеву, награжденную в 5-ю годовщину революции орденом Красного Знамени и чествуемую рабочими, как героиню труда. Ей 37 лет. Она с 13 лет уже на фабрике. Бессменно, беспрерывно. Активная участница всех забастовок, она остается у станка в момент перехода власти к рабочим, и невзирая на голод, холод и полнейшую нищету, не покидает производства, вырабатывает все время сверх нормы.

А. Кожанова

Нельзя также не упомянуть о красных директорах-работницах и членах фабзавкомов. Вот они:

Аграфена Яковлевна Кожанова. Директор Кохомской льняной м-ры (Ив.-Вознесенск). Уже второй год с успехом выполняет она трудную и сложную работу на своем ответственном посту.

„Еле грамотная работница, 13 лет пробывшая в стенах фабрики, становится во главе производства и умело им управляет.

Есть чему гордиться рабочим и работницам.

Кожанова во время самой сильной разрухи сумела поддержать производство. Упорным трудом, хлопотли-

выми поездками по профсоюзам, в правление треста и т. д. ей удавалось добывать сырье, топливо, деньги, материалы“ (журн. „Коммунистка“ № 10—11, 1922 г.).

Чекмазова—директор фабрики б. Брокар в Москве. Молодая, энергичная работница, вынесшая на своих плечах всю тяжесть борьбы за свою фабрику, за то, чтобы она работала, а не стояла.

Вот что про нее говорит т. Сосновский в своей статье („Правда“ № 264, 1922 г.):

„Пусть вспомнят все рабочие и работницы, что переживала фабрика. Сначала ею вертели Брокар в компании меньшевичков да проворовавшихся Кузнецовых и Соловьевых (члены заводоуправления). Потом на рабочих обрушилось несчастье. Их постепенно сжимали и выживали из прекрасного фабричного здания, пока совсем не выбросили в пустые недостроенные стены нынешнего помещения. Что делала Чекмазова? Она как тигрица защищала интересы брокаровцев, металась во все учреждения, вплоть до ВЦИК, чтобы отстоять фабрику от разгрома. Но когда пришлось, во имя высших государственных соображений, отдать здание для Госзнака, упала ли духом Чекмазова, глядя на пустые стены, отведенные для фабрики? С железной энергией и настойчивостью она вела работу, и вот фабрика на ходу, ее все находят хорошей.

А как Чекмазова грызлась с трестом, защищая с пеной у рта от сокращений и разгрузки своих товарищей по фабрике? Как боролась за сохранение сырья от несоразмерной переброски его на другие фабрики менее организованные?

Если бы всего этого Чекмазова не делала, фабрики сейчас не было бы, как не стало многих других, сданных в аренду или запертых на замок!“.

В настоящее время тов. Чекмазова учится на рабфаке.

Чикова. В 18 году поступила на фабрику „Оборона“ (в Москве). Фабрика была военно-обмундировочная. В этот же год прогнали хозяина-полковника,

избрали новый завком, Чикову выбрали вначале заместителем, а потом и председателем завкома.

„Работа завкома была трудная и сложная: транспорт разрушен, продовольствие приходило или испорченное, или в ограниченном колчестве... Надо было налаживать продовольствие, одеть и обуть красноармейцев, сражающихся на фронтах, накормить также и рабочих тем скудным пайком, который с трудом добывала для нас Советская власть“, говорит т. Чикова.

Несмотря на это, фабрика работала, сырья и топлива хватало, организовали даже столовую, где в две смены питались все 1800 человек. В настоящее время расширили ясли, открыли детский дом, клуб.

Ксения Донская (г. Брянск.). Пользуется на фабрике безграничным авторитетом. Прошла членом в первый фабзавком и до сих пор непрерывно работает. В настоящее время она уже председатель своей текстильной фабрики в Брянской губернии.

Иванова, Мария. Бумажная фабрика бывш. Сергеева, в Пензе. „С первых дней революции избрана в рабочий комитет, участвую в фабкоме уже 5 выборов, работаю в комиссиях по охране труда, по улучшению быта рабочих, уполномоченная фабкома по работе среди женщин, была на двух съездах работниц и крестьянок, на съезде уполномоченных кооперации, членом горсовета. Теперь я член фабкома—завед. культотделом“—так рассказывает о себе т. Иванова.

Борисова. Ее все ярославские ткачихи знают. Она—член президиума правления текстильщиков. Быстрая... В руках у нее все кипит. Говорит внушительно, деловито: скажет—отрубит: „не разговаривай—делай“.

Работает дельно, умело. Знает, что нужно работницам-текстильщицам, что нужно фабрике.

Охрану труда, охрану материнства и детства, что так дорого для работницы, т. Борисова двигает, толкает: все учреждения и организации обойдет, чтобы улучшить жизнь и труд работницы, чтобы фабрики работали, расширялись, производительность увеличивалась.

Президиум фабкома фабрики „Красная Роза“ в Москве (быв. Жиро).

Галкина — с Гаврило-Ямской мануфактуры. Ей 50 лет. 30 лет она уже на фабрике. Маленькая, худенькая, изможденная долгой, трудной работой, отягченная большой семьей, она никогда не отказывается от общественной работы.

Она — коммунистка, член фабкома, делегат на все съезды, конференции, совещания от своих рабочих и работниц. Она — человек прямой, справедливый — отстоять, что нужно, слово сказать всегда сумеет.

Летом 1922 г. фабрика посылает Галкину на губсъезд текстилей. По дороге Галкина трагически погибает (происходит катастрофа с автомобилем).

Таких Галкиных много, они дороги рабочему классу.

Слава им!

Г. Коренева

В ШВЕЙНОЙ МАСТЕРСКОЙ

Ах, сколько их проходит мимо,
А вижу лишь одну.
Ты целый день неутомимо
Строчишь по полотну.
И все белеет зыбь полотен
И пальцы твоих рук.
Ты до конца верна работе,
Как твой машинный стук.
И целый день игла, сверкая,
Глаза твои сосет.
Ты вся тревожная такая
От шума и забот.
Но за тревожной, алой дымкой,
Незыблемо горя,
Сквозит и брежжит невидимкой
Рабочая заря.

СЕРДЦЕ ТРУДОВОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сколько поистине героических моментов было в жизни работниц нашей Всероссийской Кочегарки — Донбасса, этого сердца рабочей Республики!

„Заводы стояли с начала революции. Была потеряна всякая надежда на возможность раскачать эти машины—заводы и рудники с 12 тысячами рабочих. Но в самой рабочей массе вера в его восстановление не пропала.

Рабочие решили начать открытие завода с доменной печи, как основы всего производства. Несмотря на весь героизм рабочих, два раза срывалась работа домны.

Дело было ранней весной. Внезапно наступившие холода застали рабочих без одежды (1921 г.), в адской работе (подача руды и кокса на доменную печь) рабочие замерзали. На ряду с каталями, подвозящими тяжелые вагонетки в самое жерло раскаленной печи, особенным героизмом отличались работницы, которые нагружали кокс, руду и уголь на эстакадах и подвозили к домне 10.000 пудов в день. Случаи обмороков во время работ стали постоянным явлением. Со страшным напряжением тащит работница тяжелую тачку и вдруг сваливается под непосильным бременем. Были и смертельные случаи...

В самые тяжелые моменты для завода, особенно в начале его работы, работница всегда была на своем месте.

Бывало время, когда начинали тухнуть котлы из-за подачи скверного угля и изнуренности кочегаров. Предвиделась остановка домны, влекущая за собой затопление рудников и срыв всего предприятия.

Целыми ночами простаивали работницы и рабочие во главе со своими уполномоченными на кочегарке, сменяя падающих от усталости кочегаров, поддерживая работу котлов. („Дочери Октября“ — изд. Отдела работниц ЦККПУ).

Это ли не героизм! Это ли не самоотверженность!

Да, горнячки Донбасса истинные дочери Революции, не уступившие более сильным физически товарищам рабочим в выносливости, стойкости и самоотверженности в тяжелые для Донбасса дни!

Потомки воздадут им должное, а мы, среди целого ряда самоотверженных, искренно преданных рабочему классу работниц, отметим здесь наиболее энергичных и ярких.

Сапельникова, Ломтева, Силищева—воспитанницы товарища Артема-Скочко, вождя Юзовского завода.

Астанина, Григорьева, Андреева... и много, много их, рожденных Красным Октябрем, стоит у раскаленных домн Всероссийской Кочегарки.

Это к ним можно отнести слова поэта Обрадовича:

„Мы многое узнали в этот срок:
И горечь голода, и потери.
Рождение наше в сумраке дорог
Подстерегали дни—глухие звери.

И нашей скорби вечность не измерит
И к солнцу не в цветах—в крови порог.
Но сердце верило, и также верит
В чаду отчаяния и тревог".

НА ГОЛОДНОМ ФРОНТЕ

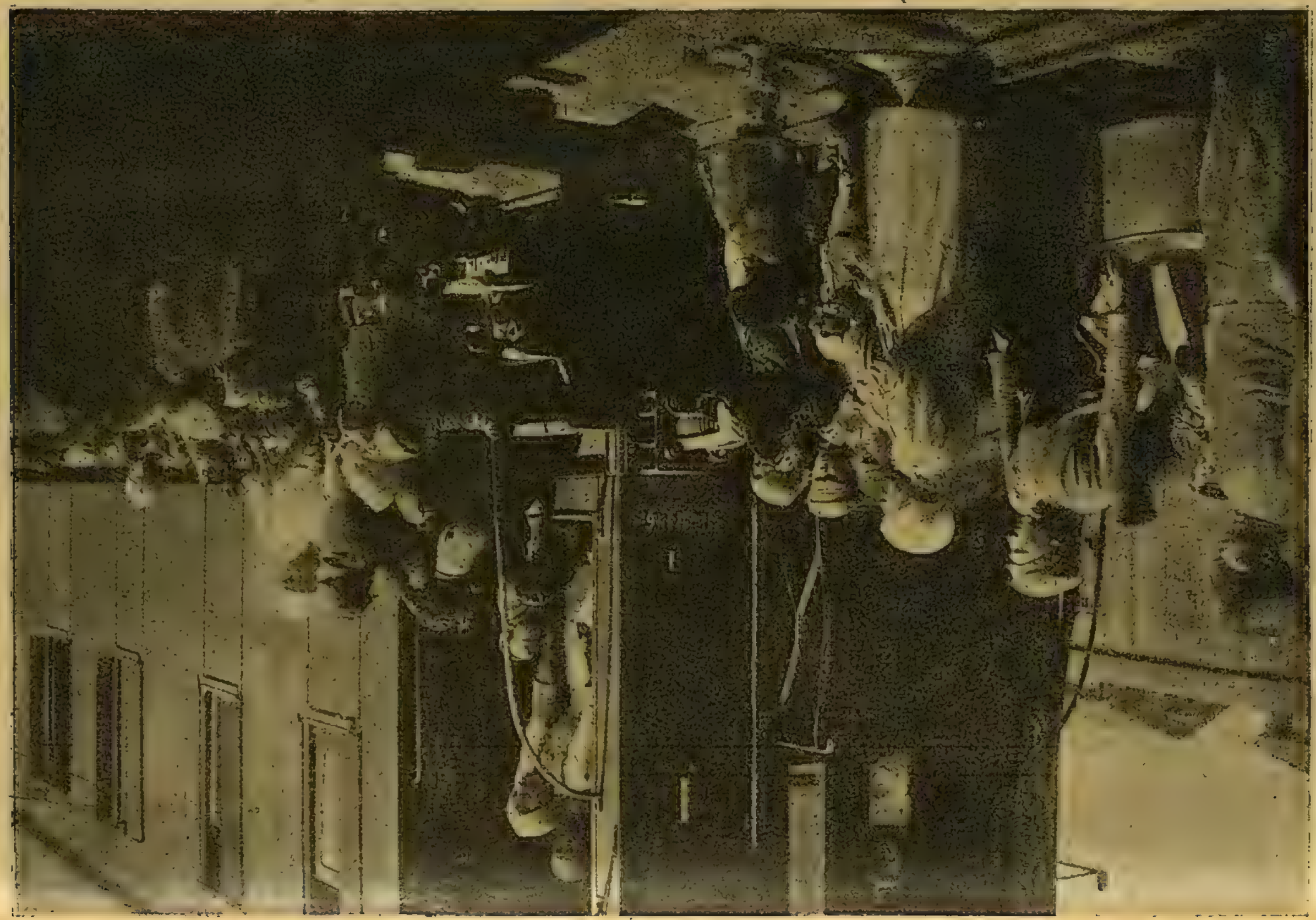
Она своей рукой душит ползущее чудовище голода...

Уверенная в конечную победу пролетариата, работница и крестьянка также смело и самоотверженно выступали на борьбу и с голодом.

Мы видим их в Помголах, в комитетах взаимопомощи, сопровождающих санпоезда с детьми Поволжья, в столовых для голодных, на вокзалах—всюду, всюду, где слышится стон голодного, задушенного костлявой рукой голода.

Мы видим их агитирующих за изъятие церковных ценностей в пользу голодных.

Каждый город РСФСР, и в частности Поволжье, в историю своей борьбы с врагами трудового народа вплетет целую цепь имен самоотверженных борцов с „голодом", и среди этих имен имена работниц будут не последними.



Дьяра—самовар с горящими углями.

Вызванные на эту отчаянную борьбу, главным образом, местными женотделами в лице их заведующих, (Сухарева—Чувобласть, Тормасова—Самара, Никитина и Суворова — Саратов,— последняя сорганизовала на этом деле до 15.000 домохозяек, Панова—Астрахань), работницы вложили в эту борьбу весь энтузиазм.

Вот беспартийная неграмотная вдова Марина — селянка Кременчугской губ., села Каврой, сама обходит на селе хаты, обкладывает „данью“ каждое хозяйство в пользу голодающих, устраивает делегатское собрание крестьянок, которое постановляет собирать „дань“ периодически и открыть на эти средства детский дом для детей Поволжья. И она не одна.

Таких Марин много.

Вот перед нами светлый образ 66-летней бабушки Бармашевой, растерзанной толпой за агитацию против попов и кулаков, не желающих отдать церковные ценности для голодных.

Память о ней никогда не умрет.

Благодарный пролетариат в честь ее и теперь уже слагает свои „думки“, поэмы и песни, а честное и благодарное селянство ее родной деревни строит ей памятник.

Вот тов. Левиева—работница Гомеля в качестве сестры социальной помощи, с утра до вечера подбирает по улицам города беспризорных, голодных детей, бежавших с голодного Поволжья и потерявших в дороге своих родителей.

А сколько московских работниц, работавших по организации детских домов! Их не укажешь поименно. Их тысячи... Масса.

А с каким успехом прошли всевозможные „сборы“ в пользу голодающих детей (в „Неделю Ребенка“), организованные женотделами при участии работниц!..

Об этом пусть говорят цифры:

В Тамбове — 1.799.112 рублей (конец 1921 г.)
„ Самаре — 10.000.000 „ (начало 1922 г.)
„ Курске — 20.000.000 „ „
и до 3.000 пудов овощей и хлеба.

Да не стоит перечислять города, села и деревни, в которых проводились сборы работницами и крестьянками, устраивалась пошивка белья и проч.

Горбунов-Посадов в одной из песен о голоде дает яркую картинку помощи работниц голодающим детям:

„Кончен день трудовой. Но в одной мастерской
Все горят все сверкают призывно огни,
И работницы, спины согнувши, сидят,
Все сидит за работой заботно они.

День был труден рабочий, и ночь уж близка,
Но работа кипит, и быстра в их руках.
Пусть устали глаза. Пусть устала и грудь,
Чтоб себя прибодрить они песни поют.

Их страданье людское собрало сюда,
Для детей, для голодных детей они шьют,
Для голодных детей по кускам полотна
Их усталые пальцы проворно бегут".

Да, не одна сотня тысяч голодных детей-сирот прошла через заботливые руки работниц и крестьянок.

Ужасы голода подсказали работницам, крестьянкам, что

„Тут не плакать, а делать... И делать скорей...
От себя оторвут все, что смогут... С сумой
По всему городу и по селам пойдут
С страстной речью работницы, с жаркой мольбой.
Все что смогут, все сделают тотчас они
Милосердною, дружной, рабочей рукой".

Таких картинок много и безусловно они ярки и характерны, если поэт-художник запечатлел их в своих стихах.

А сколько детей разобрано по семьям крестьянками! Вот маленький отрывок из крестьянской были 1921 голодного года,—из разсказа Р. Т.: „Федосьина вина“

...„Тут Иван пристально посмотрел на Федосью.

— А где у тебя серьги-то... А? — вдруг резко спросил он. Федосья побледнела, затем покраснела и чуть внятно прошептала:

— Виновата, ох, виновата, Иван Петрович!..— и вдруг всем телом бухнулась Ивану в ноги. Иван остолбенел. В чем винилась его жена, что случилось с серьгами, он никак не мог понять.

— Ну, что ты, что случилось?

— Не могла, не могла, кровью сердце обливалось, как увидела... — шептала Федосья, не поднимаясь с пола,—маленькие, худенькие, одни косточки...

— Да в чем дело? Говори толком!

— Голодные, ребятишки голодные... Из-за Волги их привезли... с голоду они там умирают... Бабы, кто побогаче то... делегатки то-ись, себе взяли, чтобы, значит, кормить детей до урожая... Ох, Ванюшка... я чуть было...

Иван поднял жену с полу и ласково посмотрел ей в глаза:

— Ну, и ты бы взяла одного, чай, не объест...

— Ну-ну?! А ты бы ругать меня не стал?

— За что же...

На другой день рано утром Слетовы (Иван и Федосья) поехали в город, чтобы взять из распределителя маленького голодного волжанина. Дорогой Федосья рассказала, как она отдала серьги в пользу голодающих детей.

Федосья, это—тип, родившийся под стоны и плач умирающих голодной смертью детей Поволжья.

А вот еще примеры—тоже из „крестьянской были“.

„Крестьянка Гусарова [1]). Брянской губернии, делая доклад на волостной женской конференции о голоде в Поволжьи, говорит: „Надо помочь,— помогая голодающим, мы поддерживаем Советскую власть“..

И конференция единогласно постановляет взять из города 30 детей, прибывших с Поволжья, на прокормление“

---

[1]) См. стр. 65 «Упорством взяла».

„Узнала Потапова [1]), что крестьяне соседнего села Жиздры взяли на прокормление детей с Поволжья, и говорит своим крестьянкам: „нам тоже надо взять“. Те мнутся, прикидывают, хватит ли себе хлеба до нового сбора. Но Потапова агитировать долго не стала. Поехала, привезла себе одного из приемника. Увидали крестьянки, да по примеру Потаповой, 60 детей взяли прокормить до нового урожайного года“.

Так пишут нам в Отдел работниц из Брянской губ.

Пишут о том же с Украины, из Рязани, Курска, Твери...

Везде есть Потаповы и есть „Федосьи“...

В ЦАРСТВЕ ГОЛОДА, ГОРЯ И ТЕМНОТЫ...

Чувашскую область—этот глухой, заброшенный угол среднего Поволжья поистине можно было назвать „царством голода, горя и темноты“. Именно так и называет его тов. Фрумкина, представительница в ЦК Помгол от Центрального Отдела работниц в своей статье „Работницы России в борьбе с голодом“ („Коммунистка“ № 2—1922 г.).

Вот что пишет в своем письме завженотделом Чувобласти:

„Чувашки — страшно темный, забитый народ, страшно бедны... умирают целыми семьями, поселками, питаются гнилой соломой с крыш, падалью и проч. И вот на нас легла задача просвещать эту голодающую женщину. И мы беремся за это“.

Последняя фраза звучит уверенностью в свои силы свою энергию.

И работницы темного угла берутся не на словах, а на деле, за борьбу с беспощадным „царем голодом“.

Получив 1000 пудов хлеба и 100.000.000 рублей денег, женотдел во главе с заведывающей т. Сухаревой

---

[1]) См. стр. 77 «Член волисполкома».

приступил к организации артелей. В короткий срок их было создано свыше 70 из безработных голодных женщин.

Вот что пишет об этих артелях тов. Фрумкина в своей статье:

„Они (работники женотдела) известили об этом население, призвали на помощь учителей, сами поехали по волостям...

естьянкам выдали шерсть, из которой они прядут нитки и вяжут перчатки. За две пары перчаток выдается 2 фунта хлеба...

Артель получает керосин с тем, чтобы собираться на работу вместе в избе—читальне...“

Кто был на выставке Помгола в Москве осенью 1922 года, тот помнит фотографические снимки голодных чувашей—людоедов и трупоедов. И вот, среди этого ужаса и невыносимых страданий „бодро стоит на своем посту группа чувашских работниц-коммунисток и работает, не покладая рук“.

Разве это не подвиг в борьбе?!

Слава им!

Много еще можно было бы писать о подвигах русской пролетарки на тяжелом трудовом фронте.

Для нас, современников, труд многих из них, черный, кропотливый труд, пожалуй, незаметен. За время революционных дней мы привыкли к яркому, бьющему в глаза.

Вот как говорит об этом кропотливом труде одна из поэтес нашего времени:

„Мы пахари земли, простые кузнецы,
Не для себя сейчас мы пашем нивы,—
Для будущего строим мы дворцы“.

Но эти дворцы уже не будут „позорными“.
Это будут те „новые зданья“, которые построят

„... сестры отважных бойцов,
Матери красных героев“.

К. Быкова.

УСТАВШИМ ТОВАРИЩАМ

Товарищи, зачем вы стали
Бессильно руку опустив?
Вы утомились, вы устали...
Но не забудьте: враг не спит.

Он побежден, но он живет,
Живет разбитый, распыленный
Работу черную ведет,
Ведет во тьме средь массы темной.

Винтовку в сторону, и молот
Мы в руки сильные возьмем
И нищету свою и голод
Усильем дружным разобьем.

Пускай враги, шипя как змеи
Наш каждый промах стерегут,
А мы в ответ сомкнем плотнее
Свои ряды и — снова в путь.

В порыве новом героизма
Наш звонкий молот застучит...
Уж всходит солнце коммунизма,
Бросая яркие лучи.

Винтовку в сторону, и молот
Мы в руки сильные возьмем
И нищету свою и голод
Усильем дружным разобьем...

ПРОЛЕТАРКА НА ФРОНТЕ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Фриче

ПЕРО РАБОТНИЦЫ

Великая Октябрьская революция не только осуществила равенство полов, не только поставила работницу и крестьянку рядом с рабочим и крестьянином у кормила власти — из ее политой кровью почвы выросли неожиданно две новые женские фигуры — работница-поэтесса и работница-журналистка.

Появлялись, правда, и раньше, как исключения — поэтессы, вышедшие из пролетарских низов, но они по своему положению скорее входили в „интеллигенцию", хотя и творили в духе того класса, из которого вышли, как безвременно умершая Владимирова, в своих прекрасных песнях славившая пролетарский труд.

После красного Октября выступает целая фаланга поэтесс-пролетарок не только по своему происхождению, но и по социальному своему положению.

Среди них в настоящее время уже завоевали себе несомненную известность, главным образом, три: Васильчикова, Витковская и Быкова.

Дочь прачки и слесаря, умершего от побоев, полученных на фабрике за дерзкое обращение с директором, тов. Васильчикова 14 лет поступила в Киеве на красильную фабрику, потом в Москве переходила из корсетной мастерской в фарфоровую, из фарфоровой в портновскую. Рано проснулась жажда знания. В Киеве по вечерам, освободившись от фабричной работы, занималась усердно с курсисткой. Вышла за-

муж и мужем была вовлечена в политическую работу. В Октябрьские дни боролась в окопах с восставшим пролетариатом и с 1919 года состоит членом РКП.

Тов. Витковская — дочь рабочего, рано осиротела. С 10-ти лет работала в шляпной мастерской, самоучкой научилась грамоте, рано почувствовала потребность писать стихи, много читала, особенно Толстого, в учение которого, между прочим, разочаровалась, как только осознала свое классовое положение.

Эпизоды личной жизни художественно преображенные, легли в основу ее рассказа „Солнце в тумане“, („Коммунистка“ № 8—9). Ныне на рабфаке для завершения своего образования. Член РКП. 1918 г.

Тов. Быкова

Тов. Быкова дочь бедного крестьянина (Тверской губ.). Год училась в сельской школе. В 12 лет была отправлена в Москву, „с хлеба долой“. Полтора года пробыла в портнихах, потом служила прислугой в буржуазных домах. Только в одном семействе к ней отнеслись по-человечески—„дети“, как она рассказывает, „давали ей всевозможную литературу и учебники и даже уговорили тетку заняться с нею“. Рано начала писать стихи (с 15 лет). От неизбежных в ее положении прислуги „оскорблений и унижений“ единственным отдыхом-утешением для нее были книги, которые она „очень любила и много читала“. В 1920 году, служа в Тифлисе, где было напечатано ее первое стихотворение, познакомилась с товарищем Н. Л. Мещеряковым, который посоветовал ей, прочтя ее стихи, поехать учиться в Москву. Здесь она служила вначале в Госиздате, потом перешла в отдел работниц, вместе с тем поступив на рабфак. С 1920 года член РКП.

Все они чистокровные пролетарки. Одна Быкова в детстве была связана с деревней, да духовно давно с ней разошлась. Пусть прекрасна земля в наряде

снежного савана или золотых колосьев, пусть отрадно в тяжкий зной отдохнуть среди лесной прохлады —

„Но ни Москвы, ни Петрограда
На вашу жизнь я не сменю“...

говорит она родным полям. В деревне много простора, зато нет движения, тогда как в городе:

„Там жизнь и в грохоте машин,
И в визге твердого металла,
И труб фабричных едкий дым,
Впиваясь в легкие, как жало,
Ползет повсюду, как живой.

Пусть родилась она среди полей, но давно и навсегда слилась с жизнью города.

„Я пролетарка всей душой!“

Все они такие пролетарки „всей душой“. Все они дочери рабочего класса, дочери рабочей революции и потому естественно пережили в уме и сердце его освободительную борьбу — по их стихотворениям можно восстановить ее главнейшие этапы, ее ярчайшие моменты — пережитый всем существом своим и 9 января (стих. Витковской), и Ленский расстрел (стих. Быковой), и декабрьское восстание (ее же), и Февральскую и мартовскую революцию (стих. Васильчиковой), и Красный Октябрь, на грандиозный обелиск которого, они все возложили трепещущей рукой венки из красных цветов — стихов.

Для них — делегаток от крестьянок и работниц — на фронте литературы — Октябрь — освобождение от былого семейного и гражданского рабства миллионов веками порабощенных сестер.

Отныне женщина уже не „крепостная“,
„Она идет к победе, твердо веря.
Что ей невзгоды, что нужда?“. *(Васильчикова)*

„Да, мы теперь не рабы подъяремные
Гражданки Красной Советской страны.
. . . . . .
Пусть белоручки ехидно смеются,
Пусть они злобно шипят за углом—
Спины работниц уже на согнутся
Снова под тяжким господским ярмом.

(Быкова)

И потом призыв:

Работницы-матери, девушки-юнные,
В наши ряды посмелей.
Ясли, сады и дворцы лучезарные
Мы будем строить для наших детей.

Работницы фабрик полей и заводов,
Миллионами солнц мы зажжем города.
Работницы смелые, девушки-юные,
Мы бодрые строим коммуны труда.

(Витковская)

Как ни тяжки последствия великого переломa, одна мысль, что они в своей родной пролетарской стране, заставляет радостно стучать их сердца:

„Пусть не в злате, не в порфире
Пусть разбита сожжена,
Но зато одна-ты в мире,
Пролетарская страна“.

И потому, кто из работниц не отдаст за нее все свои силы, свою кровь, капля за каплей:

Пусть мы голодны-раздеты,
Но мы духом не падем
И за красные Советы,
Если надо-все умрем.
. . . . . .

Потому что только эта
Власть свободу нам дала.
Без республики Советов
Снова тьма и кабала.

(Быкова)

А впереди, какие дали! И как не работать для будущего!

Синюю чашу небес
Я вознес на руках.
„Товарищ, выше, выше“!
Солнце запело в глазах.
Молот дроби сильней
Город я выложу звездами.

(Витковская)

Не все созданное нашими поэтессами-работницами художественно, одинаково ценно и значительно. Многое из того, что они писали—это стихотворный отклик на тяжелую или радостную злобу дня—в стихах, посвященных годовщинам революции, или сеъздам Коминтерна или борцам-женщинам, как Роза Люксембург или тов. Самойлова, или голоду в Поволжьи и т. п., естественно, обычно больше рвенья чем искусства, больше призывов, чем образов. Однако не мало стихов, и порою целые стихотворения запечатлены печатью оригинальною, образностью и красочностью письма. В довольно многочисленных пейзажах, нарисованных пером тов. Витковской, можно подобрать не мало образно-красочных отрывков, в которых чувствуется артистический подход к передаче впечатлений—

„Солнце вешнее рыжие кудри
Разметало волной по лугам!..“

или

„Гладит солнца утюг
Синий бархат небес!..“

или в описании утра—

„Бездонностью горят зрачки
И сердце солнечно лучится,
Как зерна алые мазки
Клюют оранжевые птицы.“

Можно найти и целые стихотворения, хранящие печать такой артистической передачи впечатлений и переживаний, особенно у тов. Быковой.

Разве не картина—„Ржаная полоса“:

Словно девушка кудрявая
Разметалась полоса,
Облила зарею алою
Золотые волоса.

Над межой повисли локоны
Беспорядочной волной,
Сбились хвойными волокнами,
Окропленные росой.

Скоро выйдет солнце жаркое,
Сгонит капельки росы.
Что-то маленькое, яркое
Заблестит у полосы.

Это сильная и смелая
И румяна, как заря,
Золотисто загорелая—
Выйдет юная жнея.

А в руке ее мозолистой
Серп горбатый заблестит,
Острый, жадный и напористый
Полосою побежит.

А иногда художественная образность удачно сочетается со значительностью темы, настроения, как в ее же стихотворении „Москва-река“.

„Лентой длинной цвета стали,
Убегает вдаль река,
Колыхаясь, извиваясь
В серых каменных тисках.

——

А на дне ее, как в поле,
Стадо белых лошадей.
Облака бегут, махая
Буйной гривою своей.

——

Опрокинутый, но грозный
Кремль над берегом висит
И в бездонность мировую
Взором ищущим глядит.

——

Разрезая гладь стальную,
Лодка мчится в те края,
Где в реке и над рекою
Рдеет алая заря.

Октябрь создал не только работницу-поэтессу, но и работницу-журналистку. Нет, разумеется, никакой возможности перечислить всех. Пусть мысль, что ничего похожего нет ни в „культурной“ Европе, ни в „просвещенной“ Америке, послужит им вознаграждением за умолчание их имен. Еще несколько лет назад было бы совершенно немыслимо то, что ныне стало явлением обычным — отвести в газетах „страничку“, где говорилось бы о положении и быте трудящихся женщин, это было возможно и раньше, но чтобы это говорилось устами и писалось пером самих работниц

и крестьянок—это стало возможным только после Волшебника-Октября. В настоящее время в республике таких „страничек“ имеется около 50 и все они обслуживаются в значительной своей части пролетарками.

Сначала то было дело новое и сложное. Писать сжато, дельно, хорошо—не так легко. Но работа увлекала, втягивала и, если бы теперь предложить этим—пусть еще робким, но заправским журналисткам, отказаться от своей деятельности информаторш и корреспонденток, они, вероятно, ответили бы, как одна из самых неутомимых и увлеченных разведчиц этого дела.

„Теперь я уже не перестану писать, не могу“...

Так на всех фронтах жизни, от гражданского до литературного, стала пролетарка рядом с пролетарием и подобно тому, как взоры рабочего-революционера в часы раздумья о судьбах своего класса обращаются с благоговением к образам борцов Парижской Коммуны, первыми положивших действенное начало освобождению пролетариата, так неизгладимо живут в сердце сознательных работниц „святые имена“ парижских коммунарок и рвутся из груди страстные слова:

Клянемся вашими тенями:
Мы ваше дело завершим
И знамя первых коммунарок
Из рук российских пролетарок
Мы больше вырвать не дадим.

(Быкова.)

Работница Быкова

РАБОТНИЦА В ШКОЛЕ

Вот она со взором ясным
Твердой поступью идет,
В сапогах, косынке красной,
Пачку книг в руках несет.

Не на бал, не на гулянье
В час вечерний шла она—
Жажда света и познанья
Привела ее сюда.

Да, сестра, настало время
После гнета нищеты,
Сбросив цепи рабской бремя,
Мы открыли все пути.

В царство знания и света
Мы стремительно идем
И борьбу за власть советов
В нем упорно поведем.

Потому что только эта
Власть свободу нам дала.
Без республики советов
Снова тьма и кабала.

— Сказка или явь?
Та, что спала
сотни лет—пробудилась!

ЖЕНЩИНЫ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

I

ДАВНО ЛИ...

Все, все, начиная с государственного аппарата царской власти, гнетом висело над ними столетиями.

Обычаи, вековой давностью освященные, законы религиозные, женщину за человека не считающие.

Калым—купля-продажа невест, многоженство, переход жены вместе с имуществом по смерти мужа к ближайшему родственнику в наследство, выдача замуж малолетних—совсем девочек, воровство невест—мало ли этих обычаев, снижающих женщину до скота, делающих ее рабыней.

Трудно поверить дикости обычаев существующих, если бы не действительность, если бы не факты.

— В Оренбургско-Тургайской губернии,—рассказывают приехавшие—в Петровском районе случилось, что у одной киргизки умер муж, и по закону Магомета эта женщина со всем оставшимся после мужа имуществом должна была перейти в распоряжение ближайшего родственника. На этот раз ближайшим родственником оказался 60 летний старик, тогда как ей было 20 лет.

— Бывает, что у нас покупают жену,—рассказывает тов. Уразбаева, завед. киргизским женотделом, — как только девочка родится. Когда она превращается в подростка 11 — 12 лет, ее выдают за купившего ее старика в 60, а то и более, лет.

Бан, беки, люди богатые, у которых много денег, скота — покупают много жен, покупают, чтобы иметь рабочую силу.

В Киргизии, в то время, когда в 21 голодном году бедняк-киргиз, спасаясь от смерти, бросал жену в степях, баи покупали женщин для ухода за своим скотом, для тяжелой работы за пуд лебеды.

Когда почему-либо не удавалось купить девушку—ее воровали.

Вот характерный документ—заявление ячейки Карачая о расследовании дела „девушкокрадства“.

Семья бедняка-скотовода карачаевца мирно возвращалась в свой аул Учкулан. Неожиданно на них напала шайка в 10 человек с тем, чтобы отнять дочь Байрамкулова—Шахи.

„Мать Шахи Аминат, — пишет ячейка,—положила под себя свою дочь и начала защищать ее, но не могла удержать. Изранив ее руки, обессилив, взяли из под нее девушку и увезли в Маринский аул“.

А как живется женщине в татарской, башкирской, семье?

Тут целая система унижений, рабство самое неприкрытое.

Злейший враг как-будто идет по пятам горянки, киргизки с ее колыбели, подстерегает каждый их шаг, превращая жизнь в сплошное страдание.

Недаром в мусульманском мире существует пословица:

Мужчина—человек, женщина не мужчина,—значит, она не человек.

А можно ли в какой-либо мере считаться с нечеловеком, скотом, души не имеющим.

Вот что пишет „Труженица Закавказья“ в рассказе „Санам на новом пути“ о жизни женщины мусульманского мира.

„Женщина — раба, которую можно прогнать, если она надоела, можно избить, если она заговорит; женщина—скот, который должен молчать, не думать и только повиноваться... Она заперта в душных стенах своего дома, скрыта от всего мира под сумрачной чадрой, не может смотреть как все люди на солнце, на голубое небо, на весь мир“...

Тов. Цейтлин—была зав. женотделм Азербейджана. Ей принадлежит, в большей своей части, постановка работы среди мусульманок Закавказья.

II

РАЗВЕРНУЛИ ФРОНТ

Какая разница!

Теперь и раньше.

От полнейшего бесправья к возможности управления государством.

Санам—не скот.

Санам, не имевшая право думать, Санам — гражданин.

Разве в простых словах расскажешь о том новом, с Советской властью пришедшем, что перевернуло мир в понимании вчерашней рабыни Санам.

Много прошлого осталось в настоящем — семья, законы религиозные, обычаи, попрежнему Санам за человека не считающие. Но изменилось основное— если не знает, то чувствует это Санам.

Остается старое, но есть уже советские народные суды вместо судов Шариата. Остается калым, но есть законы, запрещающие куплю-продажу невест.

Кто мог сказать о всем этом новом Санам?!

Разве расскажет об этом их председатель, который боится стариков, муллы, чтобы их на собрание со-

звать. Разве муж расскажет, который избить, изранить готов, стоит уйти из дому?

Сделала это все коммунистическая партия, которая с Советами принесла политические права Санам, сделала это через свои женотделы.

В мае 20 г. при партийном комитете организовался женотдел в Баку — сердце Айзербейджана. В феврале 21 — в Тифлисе. Месяцем позже, раньше— в зависимости от военных фронтов, часто временно отрезающих целые области, — отделы росли во всех автономных областях и республиках.

Трудна была обстановка работы, не хватало сил, почти не было работников, знающих местный язык. Приходилось на партийную работу брать беспартийных. Но дело не стало.

Спешно организовывались курсы инструкторов, организаторов, посылались на учобу работники в партшколу.

Начинали с маленького, часто ощупью — работа новая, совсем на работу в русских условиях не похожая.

Иные методы требовались здесь, где нужна героическая смелость, чтобы уйти женщине из дома на собрание, открыть лицо перед незнакомым мужчиной.

Женотдел в Баку организовал при клубах особые комнаты— читальни для женщин, куда не стесняясь встречей с мужчиной могла бы прийти женщина.

Часами дежурили женщины — члены коммунистической партии, устраивали чтения для пришедших, выдавали справки по вопросам, возникающим у женщин.

Постепенно перешли к организации политических кружков из посетителей читальни, школ грамоты.

Не мудрено, что вскоре на призыв партии потянулись они, ищущие защиты, поддержки, указаний.

Сначала приходили одиночками в женотдел—пишет тов. Судакова из Туркестана,—приходили, оглядываясь по сторонам, просить защиты от изверга мужа, у которого 2—3 жены-рабыни. Шли с жалобами женщины—

Читальня при клубе в Баку (Азербейджан).

почти девочки, рассказывая про свою невыносимую тяжелую жизнь со стариком мужем.

Многие слышали от других, если сами не шли, не могли пойти—писали.

„От имени всех рабынь своих мужей, — пишет в Дагестанский женотдел Хабсат-Хаджакова—от имени женщин 1-го участка Хасав-Юртовскаго округа,—прошу обратить на нас внимание".

Работа росла, ширилась. От бесед с группами в 5-6 чадрениц, от бесед по домам, отдельным кибиткам кочевников-киргиз женотделы перешли к созыву собраний, а впоследствии—конференций, съездов—районных, краевых, областных.

Движение захватывает все более широкие массы, докатываясь в самые темные уголки.

22 тысячи женщин в настоящее время—в клубах, артелях мастерских, через делегаток организовано вокруг Азербейджанского женотдела.

Около 12000 организовано их в Грузии, при чем большую половину этого числа составляют женщины аулов деревень.

11336 женщин армянок, мусульманок, русских группируются вокруг женотдела в Армении. Десятки съездов, конференций проведено за короткий в $2—1^1/_2$ года срок работы.

Беспартийный съезд в Баку, 9 городских конференций, 15 конференций по уездам Азербейджана.

Общереспубликанский съезд в Тифлисе...

Съезды в Крыму, Туркестане, Татарской республике, Башкирии, Киргизии. Съезды мусульманок даже по губерниям, не входящих в автономные объединения (Саратове, Самаре, губерниях Сибири).

От комнат в избах-читальнях женотделы переходят к организации особых женских клубов. 15 клубов открыто в Азербейджане. Открыт в международный день работниц женский клуб в Крыму.

В 172 селах остаются комнаты в избах-читальнях в Армении.

Швейная мастерская при женском клубе в Баку (Азербейджан).

Под названием „Уголок пролетарки“, „Красный уголок“ работают женские комнаты в избах-читальнях почти по всем республикам, областям Юго-Востока.

Центральный показательный женский клуб в Баку является завершением в этой области. Клуб насчитывает 450 членов.

„При клубе работает три секции: культурно-просветительная, производственнная и здравоохранения. Производственная секция имеет швейную мастерскую на 35 человек и показательные мастерские: переплетная, ткацкая, шерсте-прядильная, а также мешочная артель.

При клубе существуют ясли на 30 детей и медицинский пункт. В школе грамоты при клубе обучаются 200 человек.

В школе повышенного типа—12, в школе политграмоты—8. Функционируют инструкторские курсы. 1-й выпуск дал 39 женщин, 2-й—40.

При клубе имеется театр, свои драматические и балетные кружки и собственный кино. Весь клуб обслуживается своими же членами“. (Из отчетов о работе клуба).

„Уже в 21 году,—пишет т. Дружинина,—вокруг женотдела в Туркестане было объединено 4000 кустарниц, в Армении—7000, в Азербейджане—1000 кустарниц-мусульманок“.

Настойчиво работают женотделы в этой области обучения мусульманок ремеслу, вовлечения ее в производство.

7 мастерских организовано по уездам Азербейджана, 4 ткацких мастерских и 2 артели в Грузии, ткацкая школа-мастерская для горянок во Владикавказе.

И не только профессиональные навыки дают мусульманке эти мастерские-школы. При них же женотделы организуют обучение грамоте, кружковые занятия.

Школы грамоты открываются женотделами и при содействии женотделов также и вне мастерских. Так,

Школа для мусульманок.

55 школ грамоты открыты в Армении, 2 школы недавно открыты в Ингушестии.

И... не слыханое дело — женотделы начали, а во многих республиках не только начали, и провели работу в области законодательства.

Многоженство, калым, ливератный брак освящаются обычаями старого.

Через высшие органы власти проведены в Башкирии, Киргизии декреты, запрещающие многоженство, преследующие куплю, продажу невест. Женотделы в проведении этих законов принимают участие через своих работников-делегаток.

В Республиках Юго-Востока, Советского Закавказья, в Башкирии, Киргизии создали при судебных органах особые комиссии правозаступниц.

Трудно обнять Санам все, о чем говорят цифры, сухой перечень сделанного.

И все для нее, все в помощь ей.

Широко развернула и тут коммунистическая партия через свои женотделы фронт борьбы с врагами Санам, с пережитками старого, с наследием веков темноты, угнетения.

Развернула...

III

ЧАДРА СБРОШЕНА

Сколько их прошло—этих съездов.

В Крыму, Татарии, Азербейджане, Грузии, Башкирии, Киргизии, Кабарде, Дагестане...

Десятки съездов... Тысячи делегаток...

В каждом селе, в каждом ауле побывали перед съездами агитаторши.

В каждом селе, в каждом ауле прошли собрания женщин, зачастую собрания в жизни села первые. — „Собрание женщин“?—Санам удивляется—каких женщин? Какие собрания? Где? Что ты болтаешь?

Съезд мусульманок в Екатеринбурге в 1921 г.

Ураганом событий, до этого никогда аулом не переживаемых, пролетели собрания, слухи о выборах, съездах.

И не даром отшатывается Санам при одном предложении пойти на собрание.

— „Что ты? Али убьет меня! Разве это женское дело ходить по собраниям. Позор какой, нас все засмеют!“

Первое собрание женщин, поездка в город на съезд—это ли не событие в жизни мусульманок?

Первые собрания. Ах, как трудны первые шаги!..

Сколько борьбы, переживаний! Какое геройство со стороны каждой осмелившейся!..

— „Не верилось, что это она, Санам, такая послушная всегда мужу, осмелилась, и вот едет, едет куда-то в новый мир“.

Съезд в Грузии собрал 400 делегаток, в Баку—1200, во Владикавказе—102, в Татреспублике—350...

Съезжались представительницы различных национальностей.

Краевой съезд во Владикавказе собрал—осетинок, ингушек, чеченок, кабардинок, татарок, черкешенок, карачаевок, нагаек, гречанок, русских.

На съезд в Грузию приехали—грузинки, армянки, мусульманки, русские, осетинки... Какая пестрота.

Вот появление одной группы делегаток на одном из Закавказских съездов, о котором пишет журнал „Труженица Закавказья“.

„Запестрели разные наряды, некоторые крестьянки были без чулок, в опорках и разорванных платьях и платках, а рядом пышные национальные костюмы армянок и грузинок и темные чадры мусульманок. Все это перемешалось, слилось в одну великую картину объединения“.

„На съезде 300 делегаток,—пишет о краевом закавказском съезде тов. Мойрова, — самые разнообразные костюмы, самая разнообразная речь... Съезд объяснялся на четырех языках, все доклады перево-

дились на тюркский, грузинский и армянский языки“...

И все в этих съездах, начиная с выезда из дома, поездки по железной дороге, в трамвае, внешней обстановки съезда, наконец, сам факт тысячного собрания женщин различных национальностей, ранее враждовавших, женщин приехавших с одинаковым горем в прошлом, с едиными желаниями, — создавали настроение захватывающей новизны, радостного возбуждения.

... „переводчица окончила. Слезы струились из глаз Санам. С рыданьем ее обнимали чьи-то руки и она увидела пожилую обросшую армянку... Все накопившеся горе многих лет, годы гнета мрака ненависти, национальной вражды, смыли горячие слезы“— вот характерные моменты прорывов этого настроения на съездах, которое отмечает „Труженица Закавказья“.

... „Все остальное проходило перед Санам, как яркое видение...

Говорили все — и старые, уставшие от гонений, страданий, слез, крестьянки-армянки, говорили жарко и мусульманки, просившие, чтобы и на них обратили внимание, дали им школы, защитили их“.

Говорили все, не могли молчать — слишком долго молчали.

Точно горный ручей их родного Кавказа, неожиданно из-под камня пробивший, заиграл, забурлил на солнце радостно, возбужденно.

А как говорили. — „Диву даешься, — рассказывают товарищи, на съездах побывавшие,—откуда что берется. В первый раз выступает, в первый раз перед таким собранием с открытым лицом, а как говорит каждая. Речь так и льется, а в речи само небо, солнце, яркие краски Кавказа. Какие образы, сравнения!“

Под лозунгами горячей благодарности Советской власти, под лозунгом беспощадной борьбы с обычаями, законами сохраняющими рабство для женщин—проходили съезды киргизок, калмычек, горянок.

Некоторые побывавшие уже на волостных, уездных, губернских съездах, приезжали на областные, общереспубликанские с открытыми лицами.

Но вначале их было немного. Даже в Москву на несостоявшийся съезд женщины Востока в 21 году собрались под чадрами.

— „Черные покрывала, яркие ткани, шелком и золотом шитые головные уборы“.....

Но часто, подобно тому как в Москве, как пишет Вайан Курурье,—„вуали поднялись и женщины прозрели“.—Делегатки съездов сбрасывали свои чадры—символ своего порабощения.

На одном из съездов Закавказья делегатки торжественно на городской площади сожгли в костре сброшенные чадры.

Калмычки на своем областном съезде вынесли постановление о необходимости отмены камзола, сожгли свои камзолы и, разъехавшись после съезда, то же делали по своим деревням.

Что говорили сами делегатки в своих выступлениях.

„Я прожила 48 лет,—говорит Даган Бодаева на съезде калмычек,—но никогда не слыхала от наших стариков, чтобы нас когда-то собирали и говорили про нашу темноту. Но вот настало время, на исходе, может-быть, моей жизни, и я услышала, что избрана на съезд женщин. Думаю, зачем? что за съезд?

Теперь лишь я узнала, что я прожила свой век, влача жалкую жизнь, и мои дети тоже. Я никогда не думала, что женщине дадут такие права“.

„Это, что вы сказали, — говорит калмычка Вова Валеева,—это для нас неожиданно. Видим, что вы, представители нашей власти, заботитесь о нас, темных, за что мы и приветствуем Советскую власть“.

А вот лучшая ораторша Закавказского съезда—Христина, армянка.

„Простая работница, — пишет о ней тов. Мойрова.—Голова ничем не покрыта, волосы стянуты на затылке

узлом, молодая, упорная. Гортанная речь изливает поток накипевших на сердце слов.....“

Сколько их выступает. Какая искренность, какая сила.

„Мне 60 лет,—говорит старуха, делегатка из Шараканского уезда на общереспубликанском Грузинском съезде,—но я обойду все села нашего уезда, я всем расскажу, что такое Советская власть и как много она несет хорошего трудящимся и нам, женщинам, особенно“.

— „Да здравствует наша новая жизнь“—бросает с трибуны съезда калмычка Гохаева.

И это крик всех собраний и съездов от городов, докатившийся до аулов, стоянок кочевников.

Новая жизнь....

Новая жизнь, неразрывно связанная с приходом Советской власти, с существованием компартии.

Это твердо знает каждая делегатка, об этом говорит она каждому, против темноты рабства восстающему.

— Я стара, говорит делегатка грузинского съезда из Рачинского уезда,—у меня несколько сыновей, все бывали на фронте, но если понадобится и я—их старуха мать—смогу взять ружье в руки и пойти защищать Советскую власть.

И это не слова.

Это настроение—активной поддержки своей защитницы—Советской власти,—увезли тысячи делегаток со съездов.

Вот они, силы нетронутые!
Вот они, партии, Советов—резервы надежные!

Павел Кефалов

ЖЕНЩИНЕ ВОСТОКА

Привет вам, женщины свободнейшей из стран,
Принесшие в своих очах зарю Востока.
Забывшие талмуд, поправшие коран,
Перешагнувшие преграды злого рока.

Свободной волею вы гордо в жизнь вошли
Горянки смелые, нагайки и туркменки,
И песнь великую в венок побед вплели,
Разрушив душные застенки.
Что нынче видим мы? Чадры развеян прах.
От рабства встали вы для творческого съезда,
Для жизни радостной от гнусного „вчера“—
Вот эти матери, и жены, и невесты.
И пусть еще шипит наш европейский враг;
Восток поднимется единою колонной
И грозным пламенем прекрасного костра
Объявит лживых вне закона.
В железных мастерах свобод—живет мечта:
И женщина давно товарищ здесь желанный,—
Через Кавказ в Китай, в цветной Афганистан,
Пронесть восстаний стяг багрянный.
Рабов освободить, Советов власть создать,
Залить весь мир огнем прекрасного потока
От горнов и станков; от всех сынов труда
Привет вам, женщины Советского Востока.

IV

ДЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Она ли это, женщина мусульманского Востока, с интересами замкнутыми до этого в узком кругу вопросов домашней работы, приказаний своего повелителя-мужа, она ли—что идет под красными знаменами в праздничный день 8 марта?

В какую необычно широкую мощную цепь международной солидарности сумела она вплесть себя!

Вот их до 200 калмычек, киргизок в торжественном шествии в маленьком городке Баскунчак. Не меньше собралось и в Грозненском округе.

Сотни, тысячи по другим городам, селам...

В десятитысячной толпе не мало их на открытии в этот праздничный день памятника Розы Люксембург в Тифлисе.

Похоже ли это в какой-либо мере на те первые шаги в работе, когда вместо собраний возможны были лишь беседы с пятью-шестью чадренницами.

— „Мы отпраздновали 8 марта в 22 году не только в городе, но и по селам“,—пишут товарищи со всех концов республик.

Кроме торжественного заседания и конференции женщин в Эривани, международный день был отмечен по селам.

„В этот день, — пишут товарищи, — в селах со смешанным населением армянки и мусульманки со слезами на глазах вспоминали черные дни ужасов резни, пережитых ими, и от души приветствовали освободительницу—Советскую власть“.

„Во Владикавказе шествие закончилось митингом. С трибуны выступали ряд ораторов на русском, осетинском и тюркском языках“.

8-е марта в 22 году ознаменовалось не только большим размахом, включением наиболее отсталых — мусульманок деревень, аулов, но и рядом практических мероприятий.

В Баку заложен дом на 200 безработных, произведены отчисления в фонд голодающих.

В Грузии открыт клуб для мусульманок. В Кутаисе организована артель, открыт детский дом, школа грамоты.

В Эчмиадзинском уезде открыта швейная мастерская, возобновила свою деятельность ткацкая. .

Понимание задач стоящих перед трудящимися Россий проявили в этот день те, что недавно кроме, кухни, ни о чем не знали и не могли думать.

На торжественном заседании во Владикавказе вынесена резолюция, в которой горянки отмечают необходимость с их стороны „принять участие совместно с рабочими в восстановлении хозяйства ..... а также

проявить самодеятельность в деле своего раскрепощения—для чего входить активными работницами в союзы, кооперативы и во все органы, ведущие хозяйство".

V.

ЕДИНИЦЫ ИЗ ТЫСЯЧ

Куем оружие

Забитая, приниженная недавно,—та, которую никто никогда раньше не считал за человека, теперь в университете.

Ей 28 лет, а изведано горя, перенесено страданий за целое столетие.

В бедной семье рабочего хлопкоочистительной фабрики родилась Ганбужанова.

Отец чернорабочий, мать прачка,—разве грошовые заработки обеспечивают кусок хлеба семье?

И вот Ганбужанова с 9 лет на ряду с отцом и матерью—третий работник в семье.

С 9 лет нянькой по зажиточным богатым людям, где так вкусно всегда едят, хорошо живут дети ее возраста.

А в 14 лет из нянек прямо замуж,—замуж за человека до этого неизвестного.

Что изменилось с замужеством?

А что может измениться для узбечки?

Разве для нее бывают в жизни просветы, радостные дни.

Та же работа, еще более тяжелая—ведь она совсем взрослая „замужем".—В 14 человек новая семья. Молодая сноха каждому из 14 должна угодить, всю работу по дому справить.

Коротки часы отдыха. От зари до зари—работа, работа...

Забудешь небо и солнце, какие они есть—точно скот, машина, а не человек.

А не угодил—свекровь бьет, муж того больше.

Санитаркой в больнице застала Ганбужанову революция, с закрытым чадрой лицом.

Не с кем поговорить, некого спросить загнанной узбечке о непонятном, невиданном, новом.

Жадно ловит Ганбужанова это новое, прислушивается, тянется к нему.

Записалась в союз санитарок, выбрали делегаткой в женотдел, в 20 году вступила в коммунистическую партию.

Началось в жизни Ганбужановой то, о чем никогда не снилось.

Делегатка в начале, а там уже организатор, инструктор, заведующая райженотделом.

Быстро, быстро перечислить можно все, начиная с вступления в союз, с первого женского собрания.

А как было?

Ночи пережитых волнений от нахлынувшего нового. Выступления, от которых кровь начинает бить в висках, голова кружиться, выступления на собраниях, конференциях. Как будто сила какая, помимо воли толкает рассказать об обидах прошлого.

Разве это Ганбужанова делала,—та, что когда-то терпеливо сносила побои свекрови, мужа?

Она сама не понимала, что говорит в ней, точно во сне все эти красные годы!...

Работа лихорадочная, всякую мысль об отдыхе отнимающая, работа среди своих сестер,—таких же темных, забитых, как сама Ганбужанова еще так недавно.

Работа по организации артелей, где узбечка, киргизка, татарка найдут заработок, уйдут от зависимости от мужа.

Работа по организации для них, темных,—школы моты, детских домов, яслей.

Сон или явь?

Та, что солнце не видала, та, что затворницей была много лет—в 21 году едет в далекую Москву, едет с делегатками на съезд женщин востока.

„На конгрессе с приветствием выступала“—рассказывает о поездке Ганбужанова. Это она—одна из тех, что пришли с закрытыми лицами на международную конференцию коммунисток, к западным сестрам.

Это одна из тех, о выступлениях которых участницы конференции писали (Вайан Кутурье):

„Вуали начали подниматься и одна из женщин в маленькой вышитой шапочке с надменным профилем, с сине-черными волосами, заплетенными в две косы, взошла на трибуну“...

...„Мы встретили их, как пионеров, порвавших со своим тяжелым варварским рабством“...

...„Никто не мог говорить, все плакали от радости“...

Теперь Ганбужанова давно без чадры.

Теперь Ганбужанова в Университете трудящихся Востока.

Коммунистическая партия, раскрепостившая ее от векового гнета, послала ее в этот университет.

„Куем оружие“ говорит Ганбужанова о своей учебе.

Для ограждания завоеванного, для борьбы с пережитками старого в завоеванном новом—куем оружие.

НЕУТОМИМАЯ

Ей 38 лет, а кажется она на много лет старее.

Много тяжелых лет в прошлом, не одну морщину провели они по лицу Войновой.

Как не состариться преждевременно.

С 14 лет силой замуж отдали за 56-летнего. 10 лет прожила в Аравии со стариком мужем. Наскиталась достаточно. Трудно сказать, как это вышло, как удалось—убежала.

И вот в 25 лет Войнова в Турции в семинарии.

Много своего горя было, еще больше чужого женского горя видела Войнова на своем веку.

При первой возможности в 19 году вступает Войнова в коммунистическую партию, идет на работу среди угнетенных, родных сестер.

Знают и любят Войнову крымские татарки. Со всей энергией, разбуженной революцией, работает она среди них, будоража сознание конференциями, съездами, организуя школы.

Членом Крымцика избрана Войнова.

Много работы у Войновой, немолодые годы, а энергии хватает даже самой на ученье. На рабфаке учится Войнова, учится больше всего русскому языку. На многих восточных языках говорит она, снова в Турцию собирается, где работы еще больше, непочатый край, а все-таки русский язык учит—„нельзя не учить—язык Революции".

ДОЧЬ ПЕЧНИКА

Кто сказал ей, что существующий порядок не хорош? Кто мог сказать ей это в Урде далекой Букеевской губ., где родилась Алма Уразбаева.

Не мог сказать ей этого отец, сам не понимающий причины своих жизненных неудач.

Не могла сказать мать, забитая пьяницей мужем, украденная им в молодости.

Об этом говорила сама жизнь, к которой Алма чутко прислушивалась.

Об этом говорил весь порядок их семинарии в Симбирске, куда миссионеры набирали инородческую способную молодежь, стараясь воспитать из них верноподданных русского престола и православия.

Это видала сама Алма, когда на каникулы, приезжая домой, должна была работать нянькой у баев—отец не мог прокормить лишнего рта.

Началось это в ней с протеста против принуждения молиться.

Неосознанная ей самой, росла ненависть к баям, слугам царским, ко всему существующему порядку насилия и угнетения.

За проявленное непослушание, за отказ посещать богослужение, — Алма была исключена из семинарии, не окончив ее.

Дотянула кое-как, дома, в Урде, на курсах, получила возможность стать сельской учительницей.

Кто, когда слыхал в Новой-Казанке про какие-либо партии, про большевиков, в той новой Казанке, где застала Алму учительницей революция?

Не много знали и в Урде, куда Алма переехала в революционные дни.

— Работать, теперь работать,—вот что настойчиво стояло перед Алмой, вот что погнало ее из деревни в Урду, заставило с первых дней примкнуть к революционной работе.

А в 1919 году Уразбаева уже в партии, конечно—коммунистической.

акая же другая партия может быть для дочери печника-трубочиста, для человека, ненавидящего баев?

В этом же 19 г. Алма уже в Центральной школе советско-партийной работы в Москве в числе слушателей 1-го выпуска.

А после школы — снова у себя в Киргизии, уже не прежней Алмой, а сознательным партийным работником.

Секретарем кирбюро при Оренбургском Губкоме вначале, членом президиума Букеевского Губкома, завгубженотделом, членом 2-й областной партконференции, а за последнее время членом Обкома партии, членом Обкома союза молодежи, членом Кирцика и заведующей уже областным отделом работниц.

— „Одна у нас Уразбаева киргизка-комунистка“— говорят товарищи из Киргизии.

— „Трудно работать одной“—сознается сама Уразбаева и все возможности использует, чтобы вытянуть работников из числа самих киргизок.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕН СОВЕТА

— „Все время выбирают“—с затаенной гордостью рассказывает Узакбаева.— „Первый раз в 1919 году избрали, когда была еще беспартийной, делегаткой женотдела от своей кустарной артели. Первая я женщина была—членом Совета“.

— С тех пор все время выбирают.—

Теперь Узакбаева—членом Туркцика, избрана на последнем XI съезде Советов Туркестана.

Членом президиума Всетуркестанского съезда Советов была Узакбаева и не только Туркестанского, но и членом президиума последнего X Всероссийского съезда Советов.

— За что же ее, малограмотную узбечку, вводят в высшие органы власти.—

— „Организовала я артель прядильщиц в 1085 человек,—рассказывает о своей работе Узакбаева.— Выбрали меня от этой артели делегаткой. Вскоре женотдел отозвал меня из артели и сделал членом коллегии отдела, когда я еще была беспартийной. Послали потом в детский дом работать“.

Но не обошлась артель без Узакбаевой. Отозвали настойчиво в артель обратно, выбрали в президиум артели.

И не только в артели—членом президиума текстильного союза состоит Узакбаева с 21 года.

В 19 году вступила Узакбаева в партию, а за нею не один десяток женщин тоже в партию потянулись.

Любят Узакбаеву в артели, верят ей, за ней идут.

Большую работу ведет Узакбаева, „и там и тут выбпрают", с 18 года на работе общественной, а до сих пор привыкнуть не может.

Выбрали Узакбаеву в президиум X Всероссийского Съезда Советов, подошла она к столу президиума и незаметно позади всех села. Так и не заняла бы своего места за столом, если бы сам председатель не заставил ее это сделать.

Да и не мудрено—трудно привыкнуть.

Все как-то не верится, что не сон это, что это жизнь настоящая, навсегда кошмарное прошлое узбечки отодвинувшая.

ЗА НИМИ МАССЫ

Не четыре, пять или десять их, сбросивших свои чадры, навсегда покончивших с прошлым.

Их гораздо больше.

Но все-таки это не все. Все-таки это единицы в общей массе киргизок, башкирок, узбечек, горянок.

В большинстве случаев это та их часть, которая сумела освободиться от материальной зависимости от мужа, которая прошла суровую школу лишения.

Это не дети баев, бекев, князей.

Вот казанская татарка—Фаворисова Мугульсум, с 5 лет оставшаяся сиротой, до замужества работавшая по „чужим людям".

Вот башкирка Гафатова (Уфимской губ.), работавшая на фабрике Тарсан в Ташкенте.

Уркумбаева—киргизка, в поисках средств для семьи после смерти мужа вступившая в артель прядильщиц.

Файзурахманова—татарка, получавшая 50 коп. за 4 месяца работы в „чужих людях".

Побывшие в прислугах, санитарках, в артелях, на фабриках, заводах—они первые услышали призыв партии, они первые откликнулись на него.

На женских собраниях, еще с закрытыми чадрами, они впервые услышали музыку живого слова.

Каждая впоследствии прошла школу работы в качестве делегатки, а потом и организатора, и инструктора женотдела.

Из делегаток все они и вступили в партию — в 18—19—20 годах.

Многие из них прошли партшколу, курсы организаторов.

Многие в настоящее время учатся в университетах, школах, будучи посланными туда партией.

Но где бы они не учились, каждая, вернувшись, снова идет на работу среди своих наиболее отсталых сестер.

По организации артелей мастерских больше всего работают киргизки, узбечки, горянки—инструктора и организаторы, те же Уркумбаева, Гафарова, Фаворисова, Файзурахманова.

Понимают, что экономическая самостоятельность—первый шаг на пути раскрепощения мусульманки, восточницы.

Детские дома, ясли, консультации организуют эти неутомимые работники, чтобы облегчить положение матери мусульманки.

— Не организовано без участия тов. Гафаровой,—пишут из Ташкента,—почти ни одного интерната, сада, яслей и прочих учреждений, облегчающих раскрепощение женщины.—

— Мы встретили их как пионеров—пишет Вайан Кутурье о прибывших на конференцию женщинах Востока.

Они первые, они новаторы.

Но за ними сотни и тысячи. Растут, поднимаются, движутся, как морские валы в неизбежный час прибоя.

VI

МНОГОЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Среди них нужно быть, чтобы видеть, как много сделали революционные годы, работа партии.

Быть хотя бы на их съездах.

Съезд в Грузии в 21 году и съезд краевой Закавказский, последний съезд во Владикавказе—не одно и то же.

На первых съездах они удивлялись, знакомились с новым, прислушивались, сами рассказывали—плакали над обидами, угнетениями прошлого.

На первых съездах они были похожи на человека из одиночной камеры, вышедшего после многих, многих лет заключения, на человека до опьянения свободой обрадованного.

На съездах последних на ряду с этим настроением уже чисто деловая работа, по заслушанию, обсуждению вопросов государственной важности.

О положении грозненской промышленности ставят доклады делегатки Грозного на своих собраниях.

На вопросах продналога, советского законодательства, народного просвещения более всего останавливается краевой съезд во Владикавказе.

Подросли делегатки и каждая в отдельности.

Вот Росулова—делегатка Закавказского краевого съезда—„Типичная тюрчанка, женщина лет 30.... чадра уже не закрывает ее лица. Движения быстры. Мысль обняла задачи, стоящие перед ней“.....

Сознательное отношение к происходящим событиям проявляют делегатки Закавказского краевого съезда, закрепляя его в своих резолюциях по поводу выступления грузинских меньшевиков, суда над эс-эрами.

— Нашей ближайшей задачей,—говорит в своих постановлениях последний делегатский съезд (в но-

ябре 22 г.)—является поднять, развить промышленность в Дагестане. В нашей стране повсюду рассеяны тысячи квалифицированных работниц по производству бурок и сукон. Задача более сознательных мусульманок объединить их в артели и кустарные мастерские...

....—Мы построим электрические станции и заставим горные потоки работать на нас... Экономический рассвет страны будет итти параллельно с раскрепощением женщины...—

———

Из этой массы уже растут, поднимаются силы.

С беспартийными приходилось начинать работу часто русским товарищам (местного языка незнающим), приходилось итти и в глухую деревню.

Теперь везде—может быть не всегда достаточно, но везде на работе имеются узбечки, татарки, горянки—они сами в качестве агитаторов, инструкторов, организаторов.

24 работника—мусульманки выпустила лишь одна бакинская школа.

132 женщины различных национальностей — учатся в высшем учебном заведении—Университете Трудящихся Востока в Москвы.

Большинство, если не все из них с окончанием возвращаются снова на партийную работу среди женщин.

Работает до сих пор школа инструкторов в Азербейджане, работают почти при всех партшколах по областям и республикам особые секции для подготовки работников среди женщин.

На совещаниях заведующих женотделами, инструкторов, организаторов уже не одни русские товарищи, начинавшие работу, с ними узбечки, башкирки, осетинки.

В партии в Советах число женщин растет с каждым годом.

На последнем Съезде Советов в Азербейджане было 18 женщин-делегаток, 3 женщины избраны в Центральный Исполнительный Комитет Азербейджана (Азцик).

В Грузии в высший орган власти также избрана грузинка.

В Ташкенте 3 женщины в Туркцике, на Всетуркестанском съезде 10 женщин-делегаток, одна из них узбечка даже в президиуме съезда.

Уразбаева—киргизка избрана в Кирцик, Чуркеева—татарка в Башцик, 8 татарок в Стерлитамакский Совет и т. д.

„В Туркменской области,—пишут из Туркестана—впервые проведены в волсоветы туркменки".

Впервые... Вот почему их все-таки везде единицы, но это после того, когда их совсем не было.

Не только в органах власти работают мусульманки. Незаметную кропотливую работу по советскому строительству ведут они всюду по своим аулам, деревням, городам. Работают больше всего в областях, близких им.

„Мусульманку теперь можно встретить и в детском доме руководительницей и на площадках и в детском саду, и членом комиссии правозаступников, организовавшейся для регулирования вопроса брачного и семейного права, с книжкой в школе при клубе".

Вот что пишет в своей статье тов. Дружинина.

VII

С. Любимова

ПРИВЕТ ВАМ, ПРИВЕТ!

Как не малы может быть достижения женщин Советского Востока, они являются тем, о чем могут лишь мечтать зарубежные сестры Ближнего, Дальнего Востока.

Мало имеем мы, подчас лишь незначительные, отдельные случаи в области семейно-бытового раскрепощения мусульманки, но это для женщин Китая, Турции, Индии великий опыть борьбы со старым вековым гнетом.

Нечего говорить, что о тех правах политических, которые имеет женщина Советского Востока, они и мечтать не могут при их государственном строе.

В своей борьбе зарубежные сестры не имеют того, чтобы на помощь им приходил весь государственный аппарат, как это есть в Советской России.

Тянутся женщины Китая, Индии, Турции к красному советскому маяку, учатся у нас, всякий раз отмечая свои симпатии к нам, выражая восхищение перед нашими достижениями.

В наш ежегодный праздник 8 марта—день международной солидарности, отчетливей чем когда-либо женщины Бухары, Туркестана, Кавказа, Башкирии осознают себя авангардом миллионных армий в борьбе за раскрепощение.

Вот одно из приветствий, которое они вместе с победившим пролетариатом России получают от идущих за ними зарубежных сестер:

„Восстающие пролетарки Японии, сражающиеся Республиканки Китая, борющиеся женщины Кореи и храбрые женщины молодой Индии, сотнями томящиеся в тюрьмах за их борьбу на ряду с мужчинами против иностранного владычества, приветствуют вас в этот великий день международной солидарности".

Вот что писала в 22 году член коммунистической партии Индии Санти Деви.

В международный день 23 года вас отдельных товарищей-героинь, твердо вступивших на новый путь, вас незаметных, кропотливых, но настойчивых работников над изменением уклада старого, всех вас недавно угнетенных сестер приветствуем мы.

Работница Т. Васильчикова.

К НОВОЙ ЖИЗНИ

Отжившій темный вѣк
Умчало время безвозвратно
В неведомую даль.
Настала новая пора,
Законов темных цепи сняты.
Свобода женщине дана,
Она—не крепостная, не раба.
И вот, свободная, идет
В далекий трудный путь,
Туда, где жизни будущей, счастливой
Зажглася новая заря.
И вот она—в рядах борцов,—
С пути преграды убирает,
Свою готова жизнь отдать,
Чтоб доли злой не испытать
Идущему на смену поколенью.
Она идет, в победу твердо веря.
Что ей невзгоды? что нужда?
В борьбе она закалена, сильна.
Она теперь не крепостная, не раба.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. Введение 3

I. В подполье

1. От подполья до наших дней. (Вместо предисловия) 7
2. Вожди женского рабочего движения. (Портреты тт. И. Арман, К. Самойловой, К. Цеткин, А. Коллантай, Н. Крупской) . . . 8

II. В красных боях *Е. и С.*

1. Стихотворение. З. Чалая 23
2. * * * 24
3. Красные сестры 29
4. Красной сестре. Стих. З. Чалая 30
5. Сестра боец 31
6. Учительница в красных сестрах . . . . . —
7. Из под виселицы 32
8. Сестра башкирка 33
9. На посту. Стих. З. Чалая . . . . . —
10. Тов. Баландина 35
11. Боевой путь 36

II. Организаторы *В. Шеломович.*

1. К работнице. Стих. Витковской 41
2. Что дало Всероссийское совещание работниц . . . . . —
3. Работницы в партии 46
4. Коммунистка. Стих. Перекати-Поле 47
5. Таких немного 48
6. Из нужды и горя 51
7. Еще одна 52
8. У эсэров хуже 54
9. Питерская текстильщица 56
10. С Яхромской мануфактуры 59
11. Ивановская ткачиха 60
12. Из баллады о завженотделом. Стих. Лелевича 61
13. Крестьянки коммунистки 62
14. На страже 63
15. Добьется своего 64
16. «Лыдачая» Марина 65
17. Упорством взяла . . . . . —
18. Крестьянке. Стих. Ксении Быковой 66

IV. Работницы и крестьянки в Советском строительстве *В. З.*

Стр.

1. На заре. Стих. Алексеевой 69
2. * * * . . . . . —
3. Член волисполкома 77
4. Вера Голосная 79
5. Костромские текстильщицы 80
6. Дочь Октября 81
7. Работницы яслей и детских домов 82
8. От делегатки к ответств. работе. 86
9. Дора Нагорная 88
10. Агриппина Томасова 90
11. Весеннее. Стих. Ксении Быковой 91

V. В борьбе с разрухой *З. Ракитина.*

1. * * * 95
2. Умолк гул орудий. 98
3. Женщине творцу. Стих. Шаталовой 101
4. У станка и в управлении 102
5. В швейной мастерской. Стих. Шаталовой 106
6. Сердце трудовой республики . . . . . —
7. На голодном фронте 108
8. В царстве холода, горя и темноты 113
9. Уставшим товарищам. Стих Ксении Быковой 115

IV. Пролетарка на фронте литературы *В. Фриче.*

1. Перо работницы 119
2. Работница в школе стих. Ксении Быковой 126

VII. Женщина Советского Востока *С. Любимова.*

1. Давно ли 131
2. Развернули фронт 133
3. Чадра сброшена 140
4. Женщине востока. Стих. Павла Кефанова 145
5. День международной солидарности 146
6. Единица и тысячи 148
   а) Неутомимая . . . . . —
   б) Дочь печника 151
   в) Первый член совета 153
   г) За ними массы 154
7. Многое изменилось 156
8. Привет вам, привет 158
9. В новой жизни стих. Васильчиковой 160

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТА

„КРАСНАЯ НОВЬ“

Серия — Биографическая.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Вернер. Евгений Левинэ и Баварская советская республика.
Новицкий. Платон.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Горев, Б. Первый русский марксист, Г. В. Плеханов.
Коган-Коутс. Жизнь и деятельность Фридриха Энгельса.
Дочери революции.—Сборник Отдела работниц при Ц.К. Р.К.П.
Новицкий. Кампанелла.

Серия — Популярно-марксистская.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Ауэрбах. К. Маркс и профессиональные союзы.
Бебель, А. Будущее общество.
Бэр. К. Маркс, его жизнь и учение.
Девиль, Г. Научный социализм.
Горнер, К. Социал-демократия и коммунизм.
Каутский. Карл Маркс и его историческое значение.
„ Классовые интересы
Каутский. Республика и социализм во Франции.
Корш. Сущность марксизма.
Ленин, Н. Карл Маркс. (Краткий библиогрфический очерк с изложением марксизма.)
Государство и революция.
Империализм, как новейший этап капитализма.
Либкнехт. 48 год и Коммуна.
Луи, Поль. История социалистических партий во Франции.
Маркс, К. Наемный труд и капитал. (Под ред. Каутского. Перев. Степанова.
„ Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.г.
„ Гражданская война во Франции 1871 г.
Павлович. Империализм.
Плеханов, Г. В Амстердаме (статьи из «Искры»).
Поль, В. Коммунизм и общество.
Энгельс. Политическое завещание (из опубликованных писем), II изд.
„ Революция и контр-революция в Германии.
„ От утопии к науке.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Иенк. Интернационал.
Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 г., с пред. Н. И. Попова.
„ Происхождение христианства.
„ К 40-летию со дня смерти Маркса. Сборник статей.
Меринг. Об историческом материализме.
„ Милиция и постоянное войско.
Степанов, И. Парижская Коммуна. (С иллюстрациями).
Энгельс. Людвиг Фейербах. (От классического идеализма к диалектическому материализму.)
„ Сила и экономика.
„ Революция и контр-революция в Германии. II изд.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Адоратский. Научный социализм.
Бебель. Воспоминания.

Корш. Сущность материалистического понимания истории.
Лафарг, П. Экономический детерминизм К. Маркса.
Луи, Поль. История социалистической доктрины.
Люксембург. Коалиционная политика и классовая борьба.
Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль.
„ Критика Готской программы.
Плеханов, Г. Статьи против Богданова.
Постгейт. Рабочий интернационал.
Топорков. Гегель и материализм.
Экштейн, Г. Капитализм и социализм.
Энгельс и Маркс. О Крымской войне 1853—1856 г. Перев. с нем.

Серия—Антирелигиозная.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Браун, В. Христианство и коммунизм.
Даенсон. О Боге и чорте. Памфлет.
Древс. Миф о Христе. Т. I.
Комсомольское рождество. Сборник.
Обрезание, его социальное и религиозное значение.—По Лафаргу.
Сказание об Адаме и Еве.—По Лафаргу.
Сказание о непорочном зачатии.—По Лафаргу.
Степанов, И. Мысли о религии. II изд.
„ О правой и неправой вере, об истин. и ложных богах.
Степанов, И. О таинстве св. причащения.
Фрумкина. Долой раввинов.
Ческис. Людвиг Фейербах.
Ярославский. Как родятся боги.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

Древс. Миф о Христе, т. II.
Плеханов. О религии.
Розенов. Против попов. Часть I, вып. I.
Степанов. К истории и методике антирелигиозной пропаганды.
Третьяков. Угасание бога.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ.

Бебель, А. Христианство и социализм.
Гофман. Десять заповедей. (Перев. с нем.).
Розенов. Против попов. Часть I, выпуск II.
Сандомирский. Религия и наука.
Ярославский. Как рождаются, живут и умирают боги.

Серия — Историческая.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ.

Волин. Декреты октября.
За пят лет. 1917—1922. Сборник Ц. К. Р. К. П.
Луначарский. А. За пять лет.
Майский. Внешняя политика Р.С.Ф.С.Р. 1917—1922 г. г.
Октябрь на Пресне.—Воспоминания.
Октябрьские дни в Сокольниках.—Воспоминания.
Яковлев. Об историческом смысле русской революции.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

К 75-летию революции 48 года. Сборник статей.
Степанов. Г. Парижская Коммуна. С иллюстрациями.
Пионтковский. Хрестоматия по истории октябрьской революции.
„ 9 января.
Рид, Джон. Десять дней, которые потрясли мир. С предисловием Н Ленина и Н. Крупской.

Главлит. № 5643. Москва. Напеч. 7.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.